

Эрнест Хемингуэй

Пятая колонна

Предисловие

Эта пьеса была написана осенью и в начале зимы 1937 года, когда мы ждали наступления. На этот год намечено было три крупных наступления Центральной армии. Первое, на Брунете, уже состоялось. Оно началось блестяще и кончилось кровопролитным и ничего не решившим боем, и мы ждали следующего. Мы так и не дождались его; но за это время я написал свою пьесу.

Каждый день нас обстреливали орудия, установленные за Леганес и по склонам горы Гарабитас,¹ и пока я писал свою пьесу, в отель «Флорида», где мы жили и работали, попало больше тридцати снарядов. Так что если пьеса плохая, то, может быть, именно поэтому. А если пьеса хорошая, то, может быть, эти тридцать снарядов помогли мне написать ее.

Каждый раз, выезжая на фронт, – ближайший пункт фронта находился на расстоянии полутора тысяч ярдов от отеля, – я прятал пьесу в скатанный матрац. Каждый раз, вернувшись и найдя комнату и пьесу в сохранности, я радовался. Пьеса была закончена, переписана и отослана перед самым падением Теруэля.

Я написал ее для сцены, но один режиссер, подписав договор, умер в Калифорнии, куда он уехал подбирать труппу. Другой режиссер подписал договор, но не мог собрать денег на постановку. Перечитав пьесу, я нашел, что, независимо от того, годится она для сцены или нет, она читается хорошо, и потому решил включить ее в эту книгу рассказов. Это тоже рассказ, и он немного приблизит книгу к нашему времени. А впоследствии, может быть, кто-нибудь и поставит ее.

Название пьесы взято из заявления мятежников, сделанного осенью 1936 года, о том, что, кроме четырех колонн, наступающих на Мадрид, они располагают и пятой колонной, находящейся в самом городе и готовой атаковать его защитников с тыла.

Многие из тех, кто входил в эту Пятую колонну, погибли, но нужно помнить, что они были убиты на войне, в которой являлись такими же опасными и упорными врагами, как те, что погибали в рядах остальных четырех колонн.

Четыре колонны, наступавшие на Мадрид, расстреливали своих пленных. В начале войны, когда удавалось захватить людей Пятой колонны внутри города, их тоже расстреливали. Впоследствии их стали предавать суду и приговаривать к нескольким годам тюрьмы, или лагеря, или к смертной казни – в зависимости от совершенных ими преступлений против Республики. Но в начале войны их расстреливали. Они заслуживали этого по закону военного времени, и они были к этому готовы.

Кое-кто будет критиковать мою пьесу, потому что в ней я признаю тот факт, что людей из Пятой колонны расстреливали. Кроме того, будут говорить, и уже говорят, что в пьесе не показано благородство и величие того дела, которое защищает испанский народ. Она и не претендует на это. Для этого понадобится много пьес и рассказов, и лучшие из них будут написаны после того, как война кончится.

Это всего только пьеса о работе контрразведки в Мадриде. Недостатки ее объясняются тем, что она написана во время войны, а если в ней есть мораль, то она заключается в том, что у людей, которые работают в определенных организациях, остается очень мало времени для личной жизни. В пьесе есть девушка, зовут ее Дороти, но ее можно было бы назвать и Ностальгией. Пожалуй, довольно мне говорить о пьесе и пора предоставить вам прочесть ее. Но если то, что она была написана под обстрелом, объясняет ее недостатки, то, с другой стороны, может быть, это придало ей жизненность. Вы, которые прочтете ее, лучше меня сможете судить об этом.

О рассказах многого не скажешь. Первые четыре – последние, написанные мною. Остальные следуют в том порядке, в каком они выходили в свет.

Первый мой рассказ – «У нас в Мичигане» – был написан в Париже в 1921 году.

Последний – «Старик у моста» – передан по телеграфу из Барселоны в апреле 1938 года.

Кроме «Пятой колонны», в Мадриде написаны «Убийцы», «Десять индейцев», часть романа «И восходит солнце» и первая часть «Иметь и не иметь». В Мадриде всегда хорошо работалось. Также и в Париже, и в Ки-Уэст, штат Флорида, в прохладные месяцы; на ранчо возле Кук-Сити, штат Монтана, в Канзас-Сити, в Чикаго; в Торонто, и в Гаване, на острове Куба.

Есть места, где не так хорошо работалось, но, может быть, дело в том, что мы сами были там не очень хорошими.

В этой книге много разных рассказов. Надеюсь, что некоторые вам понравятся. Когда я перечитывал их, то помимо тех, которые стали, довольно известными и даже вошли в школьные хрестоматии и при чтении которых всегда испытываешь какое-то смущение и не знаешь, в самом ли деле ты их написал или просто где-то слышал, – мне больше всего понравились: «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «В чужой стране», «Белые слоны», «Какими вы не будете», «Снега Килиманджаро», «Там, где чисто, светло» и рассказ под названием «Свет мира», который, кроме меня, никогда никому не нравился. Нравятся мне также и другие рассказы. Ведь если бы они мне не нравились, я не стал бы их печатать.

Когда идешь туда, куда должен идти, и делаешь то, что должен делать, и видишь то, что должен видеть, – инструмент, которым работаешь, тускнеет и притупляется. Но лучше мне видеть его потускневшим и погнутым и знать, что придется снова выпрямлять и оттачивать его, но знать, что мне есть о чем писать, чем видеть его чистым и блестящим и не иметь что сказать или гладким и хорошо смазанным держать его в ящике и не пользоваться им.

Теперь мне снова надо отточить его. Я хотел бы прожить достаточно долго, чтобы написать еще три романа и двадцать пять рассказов. У меня есть несколько неплохих на примете.

2

Акт I, сцена 1

Семь тридцать вечера. Коридор в первом этаже отеля «Флорида» в Мадриде. На двери номера 109 прикреплен лист белой бумаги, на нем печатными буквами надпись: «Работаю, не беспокоить». Две девушки и два бойца в форме Интернациональной бригады идут по коридору. Одна из девушек останавливается и рассматривает надпись.

1-й боец . Идем. Времени и так мало.

Девушка . Что тут написано?

Вторая пара проходит, не останавливаясь.

Боец . А не все ли равно?

Девушка . Нет, постой, прочти мне. Ну, пожалуйста. Прочти мне по-английски.

Боец . Вот еще не хватало. Образованная попалась. К черту. Не стану читать.

Девушка . Ты не добрый.

Боец . А от меня это и не требуется.

Он отступает на шаг и вызывающе смотрит на нее.

Так я не добрый, по-твоему? А ты знаешь, откуда я сейчас пришел?

Девушка . Какое мне дело, откуда ты пришел? Все вы приходите из каких-то ужасных мест, и опять все уходите туда. Я только просила прочесть мне надпись. Не хочешь – не надо, идем.

Боец . Ну давай, прочту. «Работаю, не беспокоить!»

Девушка смеется резким, визгливым смехом.

Девушка . Надо и мне завести такую надпись.

Занавес

Акт I, сцена 2

Занавес сейчас же снова поднимается. Внутренность номера 109. Кровать, возле нее ночной столик, два обитых кретоном кресла, высокий зеркальный шкаф, стол, на столе пишущая машинка. Рядом с машинкой патефон. Электрический рефлектор накален докрасна. В одном из кресел, спиной к лампе, которая стоит на столе рядом с патефоном, сидит с книжкой в руках высокая красивая блондинка. За ней – два больших окна, занавески задернуты. На стене висит карта Мадрида, перед картой стоит мужчина лет тридцати пяти, в кожаной куртке, вельветовых брюках и очень грязных сапогах. Не поднимая глаз от книги, блондинка, которую зовут Дороти Бриджес, говорит нарочито вежливым тоном.

Дороти . Милый, право же, ты мог почистить сапоги, прежде чем входить в комнату.

Мужчина, которого зовут Роберт Престон, продолжает рассматривать карту.

И, пожалуйста, милый, не води пальцем по карте. Пятна остаются.

Престон продолжает рассматривать карту.

Милый, ты не видел Филипа?

Престон . Какого Филипа?

Дороти . Нашего Филипа.

Престон (*все еще у карты*) . Когда я проходил по Гран-Виа, наш Филип сидел в баре Чикоте с той марокканкой, которая укусила Вернона Роджерса.

Дороти . А что он делал? Что-нибудь ужасное?

Престон (*все еще у карты*) . Как будто нет.

Дороти . Ну так еще сделает. Он такой живой, всегда веселый, всегда в духе.

Престон . Кстати, дух в баре Чикоте тяжелый.

Дороти . Ты так бездарно остришь, милый. Хоть бы Филип пришел. Мне скучно, милый.

Престон . Не строй из себя скучающую вассарскую куклуз.

Дороти . Не ругайся, пожалуйста. Я сейчас не в настроении слушать ругань. А кроме того, во мне очень мало вассарского. Я ровно ничего не поняла из того, чему там учили.

Престон . А то, что здесь происходит, ты понимаешь?

Дороти . Нет, милый. Университетский городок – тут я еще хоть что-нибудь понимаю. Но Каса-дель-Кампо для меня уже совершенная загадка. А Усера, а Карабанчель!4 Просто ужас.

Престон . Черт, никак не могу понять иногда, почему я тебя люблю.

Дороти . Я тоже не понимаю, милый, почему я тебя люблю. Право же, в этом мало смысла. Это просто дурная привычка. Вот Филип – насколько он занятнее, живее.

Престон . Вот именно – живее. Ты знаешь, что он делал вчера у Чикоте перед самым закрытием? Ходил с плевательницей и кропил публику. Понимаешь, брызгал на всех. Чудо, что его не пристрелили.

Дороти . Никто его не пристрелит. Хоть бы он пришел.

Престон . Придет. Как только Чикоте закроется, придет.

Стук в дверь.

Дороти . Это Филип. Милый, это Филип.

Дверь открывается, и входит управляющий отелем. Это смуглый толстенький человек, страстный коллекционер марок, речь его отличается своеобразными интонациями и оборотами.

Ах, это управляющий!

Управляющий . Как поживаете, мистер Престон, хорошо? А вы, хорошо, мисс? Я только зашел спросить, не найдется ли у вас какой-нибудь провизии, которая не соответствует вашим вкусам. Удобно ли вам, всем ли вы довольны, нет ли жалоб?

Дороти . Теперь, когда починили рефлектор, все замечательно.

Управляющий . С рефлектором всегда большие затруднения. Электричество – наука, еще не завоеванная рабочими. Кроме того, наш электротехник так сильно пьет, что это нарушает его мозговую деятельность.

Престон . Наш электротехник вообще, кажется, не блещет умом.

Управляющий . Он умный. Но – алкоголь. Неумеренное потребление алкоголя. И сразу – полная неспособность сосредоточить мысли на электричестве.

Престон . Зачем же вы его держите?

Управляющий . Он прислан профсоюзом. Скажу вам откровенно – большое неудобство. Сейчас в сто тринадцатом, пьет с мистером Филипом.

Дороти *(радостно)* . Значит, Филип дома?

Управляющий . Больше чем дома.

Престон . То есть?

Управляющий . Затруднительно объяснить в присутствии дамы.

Дороти . Позвони ему, милый.

Престон . Не буду звонить.

Дороти . Тогда я позвоню. *(Снимает телефонную трубку и говорит.)* Ciento trece5. Алло, Филип? Нет. Лучше вы идите к нам. Пожалуйста. Да. Хорошо. *(Вешает трубку.)* Сейчас придет.

Управляющий . Предпочтительнее, чтобы не пришел.

Престон . До того?

Управляющий . Хуже. Даже трудно представить.

Дороти . Филип чудесный. Но только он водится с ужасными людьми. Не понимаю зачем.

Управляющий . Я позволю себе прийти в другой раз. В случае, если вам будет доставлен провиант в таком количестве, что образуется избыток, – всегда приму с благодарностью для семейства, постоянно голодного и неспособного считаться с продовольственными затруднениями. Заранее мерси. До свидания. *(Выходит в коридор, за дверь чуть не налетает на Филипа. Говорит за сценой.)* Добрый вечер, мистер Филип.

Кто-то отвечает веселым басом.

Филип *(за сценой)* . Salud, camarada6 филателист. Удалось раздобыть какой-нибудь редкий экземпляр?

Управляющий *(негромко)* . Нет, мистер Филип. За последнее время – преобладание публики из крайне неинтересных стран. Завален пятицентовыми Соединенных Штатов и французскими в три франка пятьдесят. Желательно бы camaradas из Новой Зеландии с корреспонденцией воздушной почтой.

Филип . Будут, будут, не беспокойтесь. Сейчас просто временный застой. Обстрелы испугали туристов. Как только поутихнет, наедут делегации. *(Вполголоса, серьезным тоном.)* Чем вы встревожены?

Управляющий . Всегда небольшие заботы.

Филип . Не волнуйтесь. Все улажено.

Управляющий . Тем не менее – продолжаю волноваться.

Филип . Не стоит.

Управляющий . Будьте осторожны, мистер Филип.

В дверях показывается Филип, очень большой, очень шумный, в резиновых сапогах.

Филип . Salud, camarada Пресный Престон. Salud, camarada Брюзга Бриджес. Как вы тут поживаете? Разрешите представить вам специалиста-электротехника. Входите, camarada Маркони. Что вы стоите за дверью?

Входит очень маленький и совершенно пьяный монтер в грязном синем комбинезоне, альпартгах и синем берете.

Монтер . Salud, camaradas.

Дороти . Salud.

Филип . А вот camarada марокканка. Надо бы говорить: та самая camarada марокканка. Большая редкость – марокканская camarada. Она страшно застенчива. Входи, Анита.

Входит марокканка из Сеуты. Она очень смуглая, но хорошо сложена, курчавая, вид у нее вызывающий и отнюдь не застенчивый.

Марокканка (сдержанно) . Salud, camaradas.

Филип . Это та camarada, которая укусила Вернона Роджерса. Три недели отлеживался. Вот это зубки.

Дороти . Филип, милый, может быть, вы наденете на camarada намордник, пока она здесь, а?

Марокканка . Почему оскорблять?

Филип . Camarada марокканка училась английскому в Гибралтаре. Чудесное местечко Гибралтар. Там у меня было необыкновенное приключение.

Престон . Только не рассказывайте сейчас.

Филип . До чего вы мрачны, Престон. Вы тут расходитесь с линией партии. Время вытянутых лиц миновало. Мы переживаем период веселья.

Престон . На вашем месте я не стал бы говорить о том, чего не знаю.

Филип . Но я не вижу причин ходить с мрачной физиономией. А что, если предложить этим camaradas чего-нибудь прохладительного?

Марокканка (Дороти) . У вас хороший комната.

Дороти . Очень рада, что вам здесь нравится.

Марокканка . Как так вы не эвакуирован?

Дороти . А я не уезжаю, и все.

Марокканка . А что вы кушать?

Дороти . Иногда приходится туговато, но нам присылают консервы из Парижа с дипломатической почтой.

Марокканка . Что с дипломатической почтой?

Дороти . Консервы, знаете – Civet de lie'vri⁷. Foie eras⁸. Недавно у нас был изумительный Poulet de Bresse⁹. От Буро.

Марокканка . Вы хотел смеяться?

Дороти . Да нет. Что вы. Мы правда едим все это.

Марокканка . Я ем суп из вода.

Она воинственно смотрит на Дороти.

Ну что? Я вам не понравился? Вы думал, вы лучше меня?

Дороти . Нисколько. Я, вероятно, много хуже. Престон скажет вам, что я несравненно хуже. Но зачем нам проводить сравнение? Я хочу сказать, сейчас война и вообще, и все мы трудимся ради одного дела.

Марокканка . Я вам буду выцарапать глаза, если вы думал, я хуже.

Дороти (*умоляюще и очень томно*) . Филип, прошу вас, займитесь вашими друзьями и развеселите их.

Филип . Анита, послушай.

Марокканка . О'кей?

Филип . Анита, Дороти очень милая женщина...

Марокканка . Нашем деле нет милая женщина.

Монтер (*вставая*) . Samaradas, me voy.

Дороти . Что он говорит?

Престон . Он говорит, что уходит.

Филип . Не верьте ему. Он всегда это говорит. (*Монтеру.*) Samarada, останьтесь.

Монтер . Samaradas, entonces me quedo.

Дороти . Что?

Престон . Он говорит, что останется.

Филип . Вот это дело, приятель. Нельзя же так сразу уйти и бросить нас, правда, Маркони? Samarada электротехник не подкачает.

Престон . Зато он уже достаточно накачался.

Дороти . Честное слово, милый, если ты будешь так острить, я уйду от тебя.

Марокканка . Послушайте. Все время разговор. Ничего, только разговор. Зачем мы тут? (*Филипу.*) Ты со мной? Да или нет?

Филип . Как ты резко ставишь вопрос, Анита.

Марокканка . Хочу ответ.

Филип . В таком случае, Анита, ответ будет негативный.

Марокканка . Как? Фотография?

Престон . Понимаете связь? Аппарат, фотография, негатив. Правда, она очаровательна? Такая непосредственность.

Марокканка . Зачем фотография? Ты думал, я шпион?

Филип . Нет, Анита. Пожалуйста, будь благоразумна. Я просто хотел сказать, что я больше не с тобой. Пока. То есть я хочу сказать, что пока это более или менее кончено.

Марокканка . Нет? Ты не со мной?

Филип . Нет, моя красавица.

Марокканка . Ты с ней? (*Кивает на Дороти.*)

Филип . В этом я не уверен.

Дороти . Да, это еще нужно обсудить.

Марокканка . О'кей. Я буду выцарапать ей глаза. (*Подходит к Дороти.*)

Монтер . Samaradas, tengo que trabajar.

Дороти . Что он говорит?

Престон . Он говорит, что ему пора на работу.

Филип . Не обращайтесь на него внимания. У него вечно такие сумасбродные мысли. Это его ide'e fixe¹⁰.

Монтер . Samaradas, soy analfabetico.

Престон . Он говорит, что он неграмотный.

Филип . Samarada, знаешь, – нет, серьезно, если бы мы не учились в школе, все мы были бы такие же. Не расстраивайся, приятель.

Марокканка (*Дороти*) . О'кей. Ну, я думал, ладно. Не надо ссора. Веселый компания. Да, о'кей. Только одна вещь.

Дороти . Какая, Анита?

Марокканка . Вы должен снять надпись.

Дороти . Какую надпись?

Марокканка . Надпись на дверь. Все время работаю – нехорошо.

Дороти . Такая надпись висит у меня на двери со времен колледжа, и никогда это ничего не значило.

Марокканка . Вы будет снимать?

Филип . Ну конечно, она снимет. Верно, Дороти?

Дороти . Могу и снять.

Престон . Все равно ты никогда не работаешь.

Дороти . Нет, милый. Но я всегда собираюсь. И я непременно закончу статью для «Космополитен», как только чуточку разберусь в том, что происходит.

За окном на улице раздается грохот, затем приближающееся шипение и снова грохот. Слышен стук падающих кирпичей и железа и звон разбитого стекла.

Филип . Опять стреляют.

Он говорит это очень спокойно и деловито.

Престон . Негодяи!

Он говорит это злобно и взволнованно.

Филип . Бриджес, душа моя, откройте-ка окна. Стекол в Мадриде нет, а скоро зима.

Марокканка . Вы будете снимать надпись?

Дороти подходит к двери и снимает надпись, вытаскивая кнопки пилочкой для ногтей. Она отдает листок Аните.

Дороти . Возьмите себе. И кнопки берите.

Дороти подходит к выключателю и гасит свет. Затем открывает оба окна. Раздается звук, похожий на аккорд гигантского банджо, и приближающийся гул, словно налетает поезд метро или надземки. Затем снова оглушительный грохот, и сыплются осколки стекла.

Марокканка . Вы хороший samarada.

Дороти . Нет, но я бы хотела быть хорошим samarada.

Марокканка . Вы для меня о'кей.

Они стоят рядом в полосе света, падающей из коридора через открытую дверь.

Филип . Если бы окна были закрыты, все стекла разбились бы от сотрясения. Слышно, как вылетают снаряды. Подождем следующего.

Престон . Какая мерзость, эти ночные обстрелы.

Дороти . Сколько длился последний?

Филип . Больше часа.

Марокканка . Дороти, мы идем подвал?

Снова аккорд гигантского банджо – с минуту тишина, затем громкий нарастающий гул, на этот раз гораздо ближе, затем оглушительный взрыв, и комната наполняется дымом и кирпичной пылью.

Престон . К черту! Я иду вниз.

Филип . Эта комната очень удачно расположена. Серьезно. Я не шучу. С улицы я вам показал бы.

Дороти . Я, пожалуй, останусь здесь. Не все ли равно, где дожидаться?

Монтер . Camaradas, no hay luz!

Он говорит эти слова громко и почти пророчески, стоя посреди комнаты и широко раскинув руки.

Филип . Он говорит, что света нет. Знаете, этот чужак становится страшен. Что-то вроде электрифицированного греческого хора.

Престон . Я уйду отсюда.

Дороти . Тогда будь добр, милый, возьми с собой Аниту и монтера.

Престон . Идемте.

Они уходят.

Опять раздается взрыв, на этот раз нешуточный.

Дороти (*стоит рядом с Филипом и прислушивается к грохоту и звону, последовавшему за взрывом*) . Филип, здесь в самом деле безопасно?

Филип . Здесь не хуже и не лучше, чем в любом другом месте. Серьезно. Безопасно – не совсем то слово; но в наше время безопасность как-то не в ходу.

Дороти . С вами мне не страшно.

Филип . Постарайтесь перескочить через эту стадию. Это самая ужасная.

Дороти . Ничего не могу поделать.

Филип . А вы постарайтесь. Будьте умницей. (*Подходит к патефону и ставит мазурку Шопена си-минор ор. 33 № 4.*)

Они слушают мазурку, освещенные отблеском рефлектора.

Жидковато и очень старомодно, но все-таки очень красиво.

Раздается грохот орудий с горы Гарабитас. Снаряд разрывается на улице за окном, окно ярко освещается.

Дороти . Ой, милый, милый, милый.

Филип (*поддерживая ее*) . Не можете ли вы называть меня иначе? Вы при мне стольких людей так называли.

Слышны гудки санитарной машины. Потом, в наступившей тишине, опять звучит мазурка.

Занавес

Акт I, сцена 3

Номера 109 и 110 в отеле «Флорида». Окна раскрыты, и в них льется солнечный свет.

В середине стены, разделяющей оба номера, – дверь, завешанная с одной стороны большим военным плакатом, так что, когда она отворяется, проход остается закрытым. Но отворять дверь плакат не мешает. Сейчас она отворена, и плакат образует нечто вроде бумажного щита между обеими комнатами. Он фута на два не доходит до полу. На кровати в номере 109 спит Дороти Бриджес. На кровати в номере 110 сидит Филип Ролингс и смотрит в окно. С улицы доносится голос газетчика, выкрикивающего названия утренних выпусков: «El Sol»! Libertad»! «El ABC de Hoy»! Слышен гудок проезжающей машины, затем где-то вдалеке тарыхтит пулемет. Филип снимает телефонную трубку.

Филип . Пришлите, пожалуйста, утренние газеты. Да. Все, какие есть.

Он смотрит по сторонам, потом в окно. Потом оглядывается на висящий на дверях плакат, сквозь который просвечивает утреннее солнце.

Нет. *(Качает головой.)* Не стоит. В такую рань.

В дверь стучат.

Adelante.

Снова стучат.

Войдите. Войдите!

Дверь отворяется. На пороге управляющий с пачкой газет.

Управляющий . Доброе утро, мистер Филип. Чувствительно благодарен. Доброе утро, доброе, доброе утро. Страшный вечер – вчера, не правда ли?

Филип . Теперь все вечера страшные.

Он улыбается.

Дайте-ка мне газеты.

Управляющий . Скверные вести из Астурии. Там очень плохо.

Филип *(просматривая газеты)* . Здесь об этом ничего нет.

Управляющий . Да, но я знаю, что вы знаете.

Филип . Допустим. Кстати, когда я переехал в эту комнату?

Управляющий . Вы не помните, мистер Филип? Вы не помните вчерашний вечер?

Филип . Нет. Представьте себе – нет. Подскажите мне что-нибудь, может быть, я и вспомню.

Управляющий *(с искренним ужасом)* . Вы в самом деле ничего не помните?

Филип *(весело)* . Решительно ничего. В начале вечера как будто легкий обстрел. Потом Чикоте. Да. Привел сюда Аниту, просто так, для смеху. Она ничего не натворила, надеюсь?

Управляющий *(качая головой)* . Нет, нет. Тут не Анита. Мистер Филип, вы совсем ничего не помните про мистера Престона?

Филип . Нет. А что случилось с этим мрачным идиотом? Уж не пустил ли он себе пулю в лоб?

Управляющий . Не помните, как вы его выбросили на улицу?

Филип . Отсюда? *(Не вставая, поворачивается к окну.)* И что же – он и сейчас там?

Управляющий . Не отсюда, а из парадного, вчера очень поздно, – по возвращении из Ministerio, после вечерней сводки.

Филип . Есть увечья?

Управляющий . Наложили несколько швов.

Филип . А вы почему не вмешались? Почему вы допускаете такое безобразие в приличном отеле?

Управляющий . Потом вы заняли его комнату. *(Грустно и укоризненно.)* Мистер Филип, мистер Филип.

Филип *(очень веселым тоном, но несколько смущенный)* . Сегодня как будто очень хороший день?

Управляющий . О да, день прекрасный. Можно сказать – день для загородных прогулок.

Филип . Ну, а Престон что? Знаете, он ведь мужчина довольно солидный. Да еще такой мрачный. Должно быть, отбивался вовсю?

Управляющий . Он теперь в другом номере.

Филип . В каком?

Управляющий . В сто тринадцатом. Где вы раньше жили.

Филип . А я тут?

Управляющий . Да, мистер Филип.

Филип . А это что за гадость? *(Глядя на просвечивающий плакат в дверях.)*

Управляющий . Это патриотический плакат, мистер Филип. Очень красивый плакат, – написан с большим чувством, только это его изнанка.

Филип . А лицо где? Куда ведет эта дверь?

Управляющий . В комнату леди, мистер Филип. Вы теперь в двойном апартаменте, как новобрачная парочка в медовый месяц. В настоящий момент – пришел посмотреть, все ли у вас в порядке, не нужно ли чего. Если что нужно – звоните в любое время. Примите поздравления, мистер Филип. Безусловно, поздравления и даже больше.

Филип . Эта дверь отсюда запирается?

Управляющий . Безусловно, мистер Филип.

Филип . Так запирайте ее и уходите, а мне велите принести кофе.

Управляющий . Слушаю, сэр, мистер Филип. Не нужно сердиться в такой чудный день. *(Торопливо и отрывисто.)* Буду очень просить, мистер Филип, не забывайте – Мадрид, продовольственные затруднения; если случайно лишние продукты – все равно что: банка консервов, любой пустяк, – дома, знаете, всегда недостаток. Вы не поверите, мистер Филип, в такое время – семья из семи человек – позволяю себе роскошь держать тещу. Заметьте – ест все, что угодно. Все годится. Затем еще сын – семнадцать лет – бывший чемпион по плаванию. Как это называется – брасс. Сложение – вот *(жестом показывает исполинскую ширину груди и плеч)* . Аппетит? Вы просто не поверите, мистер Филип. И тут чемпион. Стоит посмотреть. Это только двое – а ведь всех семеро.

Филип . Посмотрю, что там есть. Надо еще перенести все из моего номера. Если кто-нибудь будет меня спрашивать, пусть позвонят сюда.

Управляющий . Чувствительно благодарен, мистер Филип. У вас душа широкая, как улица. В вестибюле вас ждут два товарища.

Филип . Зовите их.

Все это время Дороти Бриджес в соседней комнате крепко спит. Она не проснулась во время разговора Филипа с управляющим, только раз или два пошевелилась во сне. Сейчас, когда дверь затворена и заперта, из одной комнаты в другую ничего не слышно.

Входят двое бойцов в форме Интернациональной бригады.

1-й боец . Ну вот. Он ушел.

Филип . Как это – ушел?

1-й боец . Ушел от нас, вот и все.

Филип *(быстро)* . Каким образом?

1-й боец . Я вас спрашиваю – каким образом?

Филип . Вы что, шутки шутить сюда пришли? (*Поворачиваясь ко второму бойцу, очень сухим тоном.*) Что это значит?

2-й боец . Он ушел.

Филип . А вы где были?

2-й боец . Между лифтом и лестницей.

Филип (*1-му бойцу*) . А вы?

1-й боец . На улице у парадного, всю ночь.

Филип . А в котором часу вы покинули пост?

1-й боец . Я не покидал поста.

Филип . Обдумайте свои слова. Вы знаете, чем вы рискуете?

1-й боец . Мне очень жаль, но тут ничего не поделаешь. Он ушел, вот и все.

Филип . Нет, милый друг, далеко не все.

Он снимает телефонную трубку и называет номер.

Novente siete zero zero zero. Да. Антонио? Попросите его. Да. Еще не приходил? Нет. Пришлите взять двоих, отель «Флорида», номер сто десять. Да. Пожалуйста. Да. (*Вешает трубку.*)

1-й боец . Но мы только...

Филип . Не торопитесь. Вам еще пригодится ваше воображение, когда придет время рассказывать.

1-й боец . Мне нечего рассказывать. Я вам все сказал.

Филип . Не торопитесь. Постарайтесь собраться с мыслями. Садитесь и обдумайте все хорошенько. Помните: он был здесь, в отеле. Он не мог выйти, не пройдя мимо вас. (*Берется за газету.*)

Оба бойца понуро стоят перед ним.

(*Не глядя на них.*) Садитесь. Вон кресла.

2-й боец . Товарищ, мы...

Филип (*не глядя на него*) . Не произносите этого слова.

1-й и 2-й бойцы переглядываются.

1-й боец . Товарищ...

Филип (*откладывая газету и придвигая к себе другую*) . Я запретил вам произносить это слово. Оно у вас нехорошо звучит.

1-й боец . Товарищ комиссар, мы хотим сказать...

Филип . Не стоит.

1-й боец . Товарищ комиссар, вы должны меня выслушать.

Филип . Я вас выслушаю потом. Не беспокойтесь, друг мой. Я вас все время слушаю. Когда вы вошли сюда, вы говорили другим тоном.

1-й боец . Товарищ комиссар, пожалуйста, выслушайте меня. Я хочу сказать вам...

Филип . Вы дали уйти человеку, который мне был нужен. Вы дали уйти человеку, который мне был необходим. Вы дали уйти человеку, который пошел убивать.

1-й боец . Товарищ комиссар, пожалуйста...

Филип . Пожалуйста – неподходящее слово для солдата.

1-й боец . Я не настоящий солдат.

Филип . Раз на вас военная форма, значит, вы солдат.

1-й боец . Я приехал сюда, чтобы сражаться во имя идеала.

Филип . Все это очень мило. Но послушайте, что я вам скажу. Вы приезжаете сражаться во имя идеала, но при первой атаке вам становится страшно. Не нравится грохот

или еще что-нибудь, а потом вокруг много убитых, – и на них неприятно смотреть, – и вы начинаете бояться смерти – и рады прострелить себе руку или ногу, чтобы только выбраться, потому что выдержать не можете. Так вот – за это полагается расстрел, и ваш идеал не спасет вас, друг мой.

1-й боец . Но я честно сражался. Я не наносил себе никаких умышленных ранений.

Филип . Я этого и не говорил. Я только старался кое-что объяснить вам. Но, по-видимому, я недостаточно ясно выражаюсь. Я, понимаете, все время думаю о том, что будет сейчас делать человек, которому вы дали уйти, и как мне опять залучить его в надежное, верное место вроде этого отеля, прежде чем он успеет убить кого-нибудь. Понимаете, он мне был непременно нужен, и непременно живой. А вы дали ему уйти.

1-й боец . Товарищ комиссар, если вы мне не верите...

Филип . Да, я вам не верю, и я не комиссар. Я полицейский. Я не верю ничему из того, что слышу, и почти ничему из того, что вижу. С какой стати я буду верить вам? Слушайте. Вы не выполнили задания. Я должен установить, с умыслом вы это сделали или нет. Ничего хорошего я от этого не жду. *(Наливает себе виски.)* И если вы не дурак, то поймете, что и вам ничего хорошего ждать не приходится. Но пусть вы это и без умысла сделали, все равно. Долг есть долг. Его нужно исполнять. А приказ есть приказ. И ему нужно повиноваться. Будь у нас время, я бы вам разъяснил, что, в сущности, дисциплина – это проявление доброты; впрочем, как показал опыт, я не очень хорошо умею разъяснять.

1-й боец . Пожалуйста, товарищ комиссар...

Филип . Если вы еще раз это скажете, я рассержусь.

1-й боец . Товарищ комиссар...

Филип . Молчать! Мне не до вежливости – понятно? Мне так часто приходится быть вежливым, что я устал. И мне надоело. Я буду допрашивать вас в присутствии моего начальника. И не называйте меня комиссаром. Я полицейский. То, что вы говорите мне сейчас, не имеет никакого значения. Я ведь отвечаю за вас. Если вы сделали это без умысла, тем лучше. Все дело в том, что я должен это знать. Я вам вот что скажу. Если вы сделали это без умысла, я беру половину вины на себя.

В дверь стучат.

Adelante.

Дверь отворяется, и показываются два штурмгвардейца в синих комбинезонах и плоских шапочках, с винтовками за спиной.

1-й штурмгвардеец . A sus ordenes, mi comandante¹¹.

Филип . Этих двух людей отвести в Сегуридад¹². Я приду потом допросить их.

1-й штурмгвардеец . A sus ordenes¹³.

2-й боец идет к двери, 2-й штурмгвардеец ощупывает его, чтобы проверить, есть ли при нем оружие.

Филип . Они оба вооружены. Возьмите у них оружие и уведите их. *(1-му и 2-му бойцам.)* Счастливого пути. *(С иронией.)* Желаю вам, чтобы все обошлось.

Все четверо выходят, слышно, как шаги удаляются по коридору. В соседней комнате Дороти Бриджес ворочается в постели, просыпается, зевая и потягиваясь, достает грушу висячего звонка у кровати. Слышен звонок. Его слышит и Филип. В это время в его дверь стучат.

Филип . Adelante.

Входит управляющий, он очень взволнован.

Управляющий . Арестовали двух camaradas.

Филип . Это очень плохие camaradas. Один, во всяком случае. Другой, может быть, и нет.

Управляющий . Мистер Филип, вокруг вас слишком много случается. Говорю как друг. Мой совет – постарайтесь, чтоб было потише. Нехорошо, когда все время так много случается.

Филип . Да. Я тоже так думаю. А что, сегодня действительно хороший день? Или не очень?

Управляющий . Я вам говорю, что нужно делать. В такой день нужно ехать за город и устроить маленький пикник.

В соседней комнате Дороти Бриджес уже надела халат и домашние туфли. Она скрывается в ванной, потом выходит оттуда, расчесывая волосы. Волосы у нее очень красивые, и она присаживается на край постели, поближе к рефлектору, продолжая расчесывать их. Без грима она кажется совсем молодой. Она снова звонит, и в дверях показывается горничная. Это маленькая старушка лет шестидесяти, в синей кофте и в переднике.

Горничная . Se puede?¹⁴

Дороти . Доброе утро, Петра.

Петра . Buenos dias¹⁵, сеньорита.

Дороти снова ложится, и Петра ставит на постель поднос с завтраком.

Дороти . Яиц нет, Петра?

Петра . Нет, сеньорита.

Дороти . Вашей матери лучше, Петра?

Петра . Нет, сеньорита.

Дороти . Вы уже завтракали, Петра?

Петра . Нет, сеньорита.

Дороти . Принесите себе чашку и выпейте со мной кофе. Ну, скорей.

Петра . Я выпью после вас, сеньорита. Очень было здесь страшно вчера во время обстрела?

Дороти . Вчера? Вчера было чудесно.

Петра . Сеньорита, что вы говорите?

Дороти . Ну, право же, Петра, было чудесно.

Петра . На улице Прогрессе, там, где я живу, в одной квартире убило шестерых. Утром их выносили. И по всей улице не осталось ни одного целого стекла. Теперь так и зимовать, без стекол.

Дороти . А здесь у нас никого не убило.

Петра . Сеньору можно уже подавать завтрак?

Дороти . Сеньора больше нет здесь.

Петра . Он уехал на фронт?

Дороти . Ну, нет. Он никогда не ездит на фронт. Он только пишет о нем. Здесь теперь другой сеньор.

Петра (*грустно*) . Кто же это, сеньорита?

Дороти (*радостно*) . Мистер Филип.

Петра . О сеньорита. Это ужасно! (*Выходит в слезах.*)

Дороти (*кричит ей вслед*) . Петра! Петра!

Петра (*покорно*) . Да, сеньорита?

Дороти (*радостно*) . Посмотрите, мистер Филип встал?

Петра . Хорошо, сеньорита.

Петра подходит к двери Филипа и стучит.

Филип . Войдите.

Петра . Сеньорита просит узнать, – вы встали?

Филип . Нет.

Петра (*у двери номера 109*) . Сеньор говорит, что он еще не встал.

Дороти . Пожалуйста, Петра, скажите ему, чтобы он шел завтракать.

Петра (*у двери номера 110*) . Сеньорита просит вас прийти позавтракать, но только там почти нечего есть.

Филип . Передайте сеньорите, что я никогда не завтракаю.

Петра (*у двери номера 109*) . Он говорит, что никогда не завтракает. Но я-то знаю, что он завтракает за троих.

Дороти . Петра, с ним так трудно. Скажите ему, пусть не упрямится и сейчас же приходит, я его жду.

Петра (*у двери номера 110*) . Она вас ждет.

Филип . Какое слово! Какое слово! (*Надевает халат и туфли.*) Маловаты немного. Должно быть, это Престона. А халат симпатичный. Нужно предложить ему, может, продаст. (*Складывает газеты, открывает дверь, подходит к двери номера 109, стучит и, не дождавшись ответа, входит.*)

Дороти . Войдите. Ну, наконец-то!

Филип . Тебе не кажется, что мы несколько нарушаем приличия?

Дороти . Филип, ты милый и ужасно глупый. Где ты был?

Филип . В какой-то чужой комнате.

Дороти . Как ты туда попал?

Филип . Понятия не имею.

Дороти . Неужели ты совсем ничего не помнишь?

Филип . Припоминается какая-то дичь, будто я кого-то выставил за дверь.

Дороти . Престона.

Филип . Не может быть.

Дороти . Очень может быть.

Филип . Нужно его водворить обратно. Я против подобных грубостей.

Дороти . Ах, нет, Филип. Нет. Он ушел навсегда.

Филип . Страшное слово – навсегда.

Дороти (*решительно*) . Навсегда и безвозвратно.

Филип . Еще страшнее слово. У меня от него мурмурашки.

Дороти . Это что за мурмурашки?

Филип . Все равно, что мурашки, только хуже. Понимаешь? Когда мерещится что-нибудь очень страшное. То появляется, то исчезает. Ждешь его из-за каждого угла.

Дороти . И с тобой это бывало?

Филип . Еще бы. Со мной все бывало. Самое скверное, что я помню, была шеренга морской пехоты. Вдруг все разом входили в комнату.

Дороти . Филип, сядь вот здесь.

Филип очень осторожно присаживается на кровать.

Филип, ты должен мне кое-что обещать. Мне не нравится, что ты столько пьешь, и не имеешь никакой цели в жизни, и ничего не делаешь по-настоящему. Я хочу, чтоб ты покончил с этой жизнью мадридского шалопая, – хорошо?

Филип . Мадридского шалопаю?

Дороти . Да. Да. И с Чикоте. И с Майами. И с посольствами, и с Misterio, и с Верноном Роджерсом, и с этой ужасной Анитой. Хотя посольства, кажется, хуже всего. Ты больше не будешь, Филип, – хорошо?

Филип . А что ж тогда делать?

Дороти . Все, что угодно. Ты мог бы делать что-нибудь серьезное и приличное. Ты мог бы делать что-нибудь смелое, достойное и хорошее. Знаешь, чем это кончится, если ты будешь слоняться из бара в бар и водить компанию со всеми этими ужасными людьми? Тебя просто пристрелят. На днях одного пристрелили у Чикоте. Это было ужасно.

Филип . Кто-нибудь из наших знакомых?

Дороти . Нет. Просто какой-то несчастный оборванец, который ходил с пульверизатором и всем брызгал в лицо. Он никого не хотел обидеть. Но кто-то рассердился и пристрелил его. Я видела все, и это было очень неприятно. Это случилось так неожиданно, и он лежал на спине, и лицо у него было совсем серое, а еще минуту назад он был такой веселый. Потом два часа оттуда никого не выпускали, и полицейские у всех нюхали револьверы и не разрешали официантам подавать спиртное. Его ничем не прикрыли, и нам пришлось показывать свои документы человеку, который сидел за столиком как раз возле того места, где он лежал, и это было очень неприятно, Филип. Носки у него были такие грязные, и башмаки стоптаны до дыр, а рубашки совсем не было.

Филип . Бедняга. Ведь то, что там теперь пьют, это самый настоящий яд. Совершенно теряешь рассудок.

Дороти . Но, Филип, тебе-то незачем быть таким. И тебе незачем ходить туда, еще пристрелят когда-нибудь. Ты мог бы заняться политикой или какими-нибудь военными делами, – вообще чем-нибудь достойным.

Филип . Не искушай меня. Не буди мое честолюбие.

Пауза.

Не рисуй мне радужных перспектив.

Дороти . А что это еще за выходка с плевательницей у Чикоте? Ты просто нарывался на скандал. Именно нарывался, все говорят.

Филип . А с кем скандал?

Дороти . Я не знаю с кем. Не все ли равно с кем. Ты вообще не должен скандалить.

Филип . Я тоже так думаю. Вероятно, и так долго ждать не придется.

Дороти . Зачем такой пессимизм, милый, сейчас, когда мы только начинаем нашу совместную жизнь.

Филип . Нашу... что?

Дороти . Нашу совместную жизнь. Филип, неужели тебе не хотелось бы поселиться в каком-нибудь местечке вроде Сен-Троpez16, – то есть вроде прежнего Сен-Троpez, – и жить там долго-долго мирной счастливой жизнью, – много гулять, и купаться, и иметь детей, и наслаждаться счастьем, и все такое? Я серьезно говорю. Неужели тебе не хочется, чтобы все это кончилось? Война; и революция, и все прочее?

Филип . А будет у нас «Континентал дейли мейл» к завтраку? И бриоши, и свежее клубничное варенье?

Дороти . Милый, у нас будет даже яичница с ветчиной, а ты, если хочешь, можешь выписать «Морнинг пост». И все будут говорить нам Monsieur-Dame17.

Филип . «Морнинг пост» только что перестала выходить.

Дороти . Ах, Филип, как с тобой трудно. Мне хотелось, чтоб у нас была такая счастливая жизнь. Разве ты не хочешь иметь детей? Они будут играть в Люксембургском саду, и гонять обруч и пускать кораблики.

Филип . И ты будешь им показывать карту. Или нет: лучше даже глобус. «Видите, детки»; мальчика мы назовем Дерек, это самое безобразное имя, какое я только знаю. Ты

скажешь: «Видишь, Дерек? Вот это Вампу. Следи за моим пальцем, и я покажу тебе, где теперь папочка». А Дерек скажет: «Да, мамочка. А я когда-нибудь видел папочку?»

Дороти . Нет, нет. Вовсе так не будет. Просто мы будем жить в каком-нибудь красивом уголке, и ты будешь писать.

Филип . Что?

Дороти . Что угодно. Романы и статьи, а может быть, книгу об этой войне.

Филип . Приятная будет книга. Особенно если издать ее с иллюстрациями.

Дороти . Или ты бы мог подучиться и написать книгу о политике. Я слышала, что книги о политике всегда нарасхват.

Филип (*звонит*) . Не сомневаюсь.

Дороти . Или ты бы мог подучиться и написать книгу о диалектике. Всякая новая книга о диалектике отлично расходуется.

Филип . Неужели?

Дороти . Но, Филип, милый, ты должен прежде всего еще здесь найти какое-нибудь приличное занятие и бросить это невозможное, бессмысленное времяпрепровождение.

Филип . Я где-то читал, но до сих пор не имел случая проверить: скажи, правда ли, что, когда американке понравится мужчина, она прежде всего заставляет его от чего-нибудь отказаться? От привычки пить виски, или курить виргинский табак, или носить гетры, или охотиться, или еще что-нибудь.

Дороти . Нет, Филип. Дело просто в том, что ты – очень серьезная проблема для любой женщины.

Филип . Надеюсь.

Дороти . И я вовсе не хочу, чтобы ты от чего-нибудь отказывался. Напротив, я хочу, чтоб ты за что-нибудь взялся.

Филип . Хорошо. (*Целует ее.*) Я так и сделаю. Ну, а теперь завтракай. Я пойду к себе, мне нужно позвонить по телефону.

Дороти . Филип, не уходи...

Филип . Я сейчас же вернусь, милая. И буду страшно серьезным.

Дороти . Ты знаешь, что ты сказал?

Филип . Конечно.

Дороти (*очень радостно*) . Ты сказал – **милая** .

Филип . Я знал, что это заразительно, но не думал, что до такой степени. Прости, дорогая.

Дороти . **Дорогая** – тоже неплохое слово.

Филип . Ну тогда до свидания, – мм – любимая.

Дороти . **Любимая** , – ах ты, милый!

Филип . До свидания, товарищ.

Дороти . Товарищ? А раньше ты сказал «милая».

Филип . Товарищ – хорошее слово. Пожалуй, не следует швыряться им по-пустому, – беру его обратно.

Дороти (*восторженно*) . О Филип! ты начинаешь политически развиваться.

Филип . Упаси бог – черт, – все равно кто, но упаси.

Дороти . Не богохульствуй. Это приносит несчастье.

Филип (*торопливо и довольно мрачно*) . До свидания, милая – дорогая – любимая.

Дороти . Ты больше не называешь меня «товарищ»?

Филип (*выходя*) . Нет. Я, видишь ли, начинаю политически развиваться. (*Выходит в соседнюю комнату.*)

Дороти (*звонком вызывает Петру. Говорит, удобно откинувшись на подушки*) . Ах, Петра, какой он живой, и какой – кипучий, что ли, и какой веселый. Но он ничего не хочет делать. Он считается корреспондентом какой-то дурацкой лондонской газеты, но в цензуре говорят, что он за все время послал ровно две с половиной телеграммы. С ним как-то легче дышится после Престона с его вечными разговорами о жене и детях. Вот пусть и убирается к

своей жене и детям, раз они ему так нравятся. Держу пари, что он этого не сделает. Знаем мы эти мужские разговоры о жене и детях во время войны. Удобное начало, чтобы лечь с женщиной в постель, а потом, не успеешь прийти в себя, как тебя сразу огорошат теми же разговорами. Вот именно огорошат. Не знаю, как это я вообще так долго терпела Престона. А какой он мрачный – все твердит, что город вот-вот должен пасть, и вечно смотрит на карту. Вечно смотреть на карту – одна из самых отвратительных привычек, какие только могут быть у мужчины. Правда, Петра?

Петра . Я не понимаю, сеньорита.

Дороти . Ах, Петра, хотелось бы мне знать, что он сейчас делает.

Петра . Ничего хорошего.

Дороти . Петра, не говорите так. Вы – пораженка, Петра.

Петра . Сеньорита, я не разбираюсь в политике. Я знаю только свою работу.

Дороти . Ну, хорошо, вы можете идти. Я, пожалуй, посплю еще немножко. Мне сегодня так хорошо и так хочется спать.

Петра . Отдыхайте на здоровье, сеньорита. *(Выходит и затворяет за собой дверь.)*

В соседней комнате телефонный звонок. Филип снимает трубку.

Филип . Да. Хорошо. Пусть идет сюда.

Стук в дверь, и на пороге появляется боец в форме Интернациональной бригады. Он отдает честь поднятым кулаком. Это смуглый, красивый юноша лет двадцати трех.

Salud, товарищ. Входите.

Боец . Я прислан к вам из бригады. Мне сказали явиться в номер сто тринадцатый.

Филип . Я переменял комнату. Приказ у вас при себе?

Боец . Приказ был дан устно.

Филип берет телефонную трубку и называет номер.

Филип . Ochenta-dos cero uno cinco18. Алло, Хэддок? Нет. Дайте Хэддока. Говорит Хэйк. Да. Хэйк. Хорошо. Хэддок? *(Оборачивается к бойцу.)* Ваша фамилия, товарищ?

Боец . Уилкинсон.

Филип . Алло, Хэддок. Вы посылали товарища по фамилии Уилкинсон в рыбороторговлю Буга? Отлично. Спасибо. Salud. *(Вешает трубку. Потом поворачивается к Уилкинсону и протягивает ему руку.)* Рад видеть вас, товарищ. Что скажете?

Уилкинсон . Я прислан в ваше распоряжение.

Филип . А!

Он колеблется, видимо, обеспокоенный какой-то мыслью.

Сколько вам лет, товарищ?

Уилкинсон . Двадцать.

Филип . Вам все это доставляет удовольствие?

Уилкинсон . Я здесь не ради удовольствия.

Филип . Нет. Конечно, нет. Я просто так спросил.

Пауза. Затем, отбросив колебания, он продолжает решительно, по-военному.

Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии, для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Уилкинсон . Даже для самозащиты?

Филип . Ни при каких обстоятельствах .

Уилкинсон . Понятно. Каково будет задание?

Филип . Вы спуститесь вниз и погуляете по улице. Потом вернетесь в отель, возьмете номер и зарегистрируетесь у портье. Когда получите номер, зайдите сюда и сообщите мне какой, а я вам скажу, что делать дальше. Сегодня вам почти все время придется провести у себя в номере.

Пауза.

Особенно не торопитесь. Можете выпить кружку пива. В «Агвилар» есть пиво сегодня.

Уилкинсон . Я не пью, товарищ.

Филип . Правильно. Очень хорошо. Мы, люди старшего поколения, еще заражены известными губительными пороками, которые теперь, пожалуй, поздно искоренять. Но вы должны служить нам примером. Ну, ступайте.

Уилкинсон . Слушаю, товарищ. *(Отдает честь и выходит из комнаты.)*

Филип *(после его ухода)* . Очень жаль. Да. Очень, очень жаль.

Телефонный звонок.

Да. Я слушаю. Хорошо. Нет. К сожалению, не могу. Попозже. *(Кладет трубку.)*

Снова звонок.

Алло! Да. Мне очень совестно, но я не могу. Просто свинство. Непременно. Да. Только попозже. *(Кладет трубку.)*

Снова звонок.

Алло! Ох, слушайте, честное слово, мне очень совестно. Но, может быть, немного попозже? Не хотите? Ну ладно. Идите сюда, и мы покончим с этим делом.

В дверь стучат.

Да, да, войдите.

Входит Престон. У него повязка на глазу и вообще вид неважный.

Слушайте, мне очень совестно.

Престон . От этого никому не легче. Вы вели себя возмутительно.

Филип . Согласен. Но что мне теперь делать? *(Говорит без всякого выражения.)* Я же сказал, что мне очень совестно.

Престон . Вы бы, по крайней мере, сняли мой халат и туфли.

Филип *(снимая)* . Сейчас. *(Подает вещи Престону. С сожалением.)* Слушайте, вы не продадите халат? Очень приятная материя.

Престон . Нет. А теперь убирайтесь вон из моей комнаты.

Филип . Вы хотите, чтоб мы опять начали все сначала?

Престон . Если вы сейчас же не уберетесь, я позвоню, чтоб вас вывели.

Филип . Вот как. Ну, звоните.

Престон звонит. Филип уходит в ванную. Слышен плеск воды. В дверь стучат, и вслед за этим входит управляющий.

Управляющий . Что-либо не в порядке?

Престон . Потрудитесь вызвать полицию и удалить этого человека из моей комнаты.

Управляющий . Мистер Престон, я уже распорядился, чтобы горничная собрала ваши вещи. Вам будет очень удобно в сто четырнадцатом. Мистер Престон, вы человек разумный – неужели вы будете вызывать полицию в отель? Полиция с чего начнет? А чьи это тут банки сгущенного молока? А чьи это тут мясные консервы? А чьи это тут запасы жареного кофе? А зачем это тут полный шкаф сахара? А откуда это тут три бутылки виски? А что это тут вообще делается? Мистер Престон, никогда не надо вмешивать полицию в частные дела. Мистер Престон, прошу вас.

Филип *(из ванной)* . А чьи это тут три куска мыла?

Управляющий . Вот видите, мистер Престон. Власти всегда дают частным делам неправильное истолкование. Есть закон, что все эти вещи нельзя держать. Есть строгий закон, что нельзя запасать продукты. С полицией всегда что-нибудь не так.

Филип *(из ванной)* . А откуда это тут три флакона одеколona?

Управляющий . Вот видите, мистер Престон. Как ни желательно, я не мог бы вызвать сюда полицию.

Престон . А, да подите вы оба к... черту. Пусть несут вещи в сто четырнадцатый. Ролингс, вы просто хам. Помните, что я вам об этом сказал.

Филип *(из ванной)* . А чьи это тут четыре тюбика-крема для бритья?

Управляющий . Мистер Престон! Четыре тюбика? Мистер Престон!

Престон . Вы только и знаете, что кланчить провизию. Кажется, вам от меня достаточно перепало. Соберите вещи, и пусть несут в сто четырнадцатый.

Управляющий . Сию минуту, мистер Престон, но разрешите одно только слово. Когда я, против собственного желания, обращался к вам со скромной просьбой относительно провизии, имея при этом в виду исключительно избыточные количества...

Филип *(из ванной, давась от смеха)* . Что, что такое?

Управляющий . Я говорю мистеру Престону, что обращался с просьбой только относительно излишних запасов, и то лишь ввиду семейства из семи человек. Учтите, мистер Престон, у моей тещи – роскошь по нашим временам – остался всего один зуб. Вы меня понимаете? Всего один зуб. С его помощью – ест все, что может, и даже с удовольствием. Однако в случае выпадения буду вынужден приобрести полный протез для обеих челюстей, верхней и нижней, приспособленный для прожевывания любой пищи. И бифштекса, и бараньей котлетки, и – как это называется? – salomilio. Каждый вечер – уверяю вас, мистер Престон, – я спрашиваю: ну, как зуб у старушки? Каждый вечер я ложусь с мыслью – что мы будем делать, если он выпадет? При полном комплекте верхних и нижних зубов в Мадриде не останется лошадей для армии. Уверяю вас, мистер Престон, вы никогда не видели подобной женщины. Истинно роскошь по нашим временам. Хочу надеяться, мистер Престон, что у вас найдется ненужная баночка консервов, которую вы могли бы уделить.

Престон . Просите у вашего друга Ролингса.

Филип *(выходя из ванной)* . Samarada филателист, у меня как раз имеется излишек мясных консервов в количестве одной банки.

Управляющий . О мистер Филип! У вас душа больше этого отеля.

Престон . И вдвое грязнее. *(Выходит.)*

Филип . Он очень обиделся.

Управляющий . Вы отняли у него молодую леди. Он ревнует. Он полон ярости.

Филип . Вот, вот. Он прямо-таки набит яростью. Я вчера попробовал выбить из него немного. Никакого впечатления.

Управляющий . Послушайте, мистер Филип. Скажите мне правду. Скоро кончится эта война?

Филип . Боюсь, что не очень.

Управляющий . Мистер Филип, мне очень неприятно слышать это от вас. Уже целый

год. Это ведь не шутка, мистер Филип.

Филип . А вы не думайте об этом. Держитесь, и все будет хорошо.

Управляющий . Вы тоже держитесь и будьте поосторожнее. Мистер Филип, будьте поосторожнее. Я знаю. Вы не думайте, что я не знаю.

Филип . Не советую вам знать слишком много. А если что и знаете, держите язык за зубами, ладно? Так у нас с вами дело и пойдет.

Управляющий . Но вы будьте осторожнее, мистер Филип.

Филип . Я держусь, не беспокойтесь. Выпьем? *(Наливает шотландского виски и разбавляет его водой.)*

Управляющий . Спиртных напитков не потребляю. Слушайте меня, мистер Филип. Будьте осторожнее. Сто пятый – очень нехорошо. Сто седьмой – тоже очень нехорошо.

Филип . Спасибо. Я знаю. Только сто седьмой уже ускользнул от меня. Ему дали уйти.

Управляющий . Сто четырнадцатый – просто дурак.

Филип . Согласен.

Управляющий . Вчера вечером пытался войти в сто тринадцатый, ваш, как будто по ошибке. Я знаю.

Филип . Потому я и не вернулся туда. За дураком было наблюдение.

Управляющий . Мистер Филип, будьте осторожны. Хотите, я поставлю на дверь французский замок? Крепкий французский замок. Самого крупного размера.

Филип . Нет. Крепкий замок тут не поможет. В таких, делах крепкие замки ни при чем.

Управляющий . Может быть, какие-нибудь особые поручения, мистер Филип? Чем-нибудь могу быть полезен?

Филип . Нет. Никаких поручений. Спасибо, что отшили этого дурака-журналиста из Валенсии, который хотел снять номер. У нас тут и так дураков довольно, считая вас и меня.

Управляющий . Если он вам нужен, его можно устроить. Я обещал ему дать знать, если освободится номер. Когда все успокоится, можно его устроить. Мистер Филип, вы только будьте поосторожнее. Прошу вас. Вы знаете.

Филип . Я держусь, не беспокойтесь. Просто иногда на меня находит скверное настроение.

В течение этого разговора Дороти Бриджес успела встать с постели, пройти в ванную, одеться и снова вернуться в комнату. Она садится за пишущую машинку, потом заводит патефон. Филип у себя в номере слышит музыку. Это – баллада Шопена As-dur op. 47.

(Управляющему.) Извините – одну минутку. Вы сейчас будете переносить его вещи? Если кто-нибудь меня спросит, попросите, пожалуйста, подождать.

Управляющий . Я скажу горничной, которая будет собирать вещи.

Филип подходит к двери Дороти и стучит.

Дороти . Войди, Филип.

Филип . Можно мне выпить здесь стакан виски?

Дороти . Конечно. Пожалуйста.

Филип . У меня к тебе две просьбы.

Пластинка кончилась. Видно, как из номера 110 выходит управляющий, потом входит горничная и начинает собирать вещи Престона, складывая их на кровать.

Дороти . Какие, Филип?

Филип . Во-первых, уехать из этого отеля, а во-вторых, вернуться в Америку.

Дороти . Филип, ты просто нахал. Ты еще хуже Престона.

Филип . Я не шучу. Тебе сейчас не место в этом отеле. Я говорю серьезно.

Дороти . Мне было так хорошо с тобой, Филип, перестань. Пожалуйста, милый, я тебя очень прошу, перестань.

Видно, как на пороге соседней комнаты показывается Уилкинсон в форме бойца Интернациональной бригады.

Уилкинсон (горничной) . Товарища Ролингса нет?

Горничная . Войдите и посидите здесь. Он вас просил подождать.

Уилкинсон садится в кресло, спиной к двери. В соседней комнате Дороти поставила новую пластинку. Филип поднимает иголку, и пластинка продолжает впустую вертеться на диске.

Дороти . Ты, кажется, хотел выпить. Вот, пей.

Филип . Я уже расхотел.

Дороти . Милый, что с тобой?

Филип . Слушай, я вовсе не шучу. Ты должна отсюда уехать.

Дороти . Я не боюсь обстрела. Ты это знаешь.

Филип . Дело не в обстреле.

Дороти . А тогда в чем же дело, милый? Я тебе не нравлюсь? А я так хотела, чтоб тебе было хорошо со мной.

Филип . Как мне заставить тебя уехать?

Дороти . Никак. Я не уеду.

Филип . Я тебя перевезу в «Викторию».

Дороти . Ты меня не перевезешь в «Викторию».

Филип . Если б я только мог разговаривать с тобой.

Дороти . А почему ты не можешь?

Филип . Я ни с кем не могу разговаривать.

Дороти . Милый, это у тебя просто торможение. Тебе нужно пойти к специалисту по психоанализу, и он тебя мигом приведет в норму. Это очень просто и даже увлекательно.

Филип . Ты безнадежна. Но ты очень красива. Я заставлю тебя уехать.

Он ставит иголку на пластинку и подкручивает завод.

Если я сегодня скучный, извини.

Патефон играет. В это время у двери номер 110, где горничная продолжает собирать вещи, а Уилкинсон сидит на прежнем месте, остановился человек. На нем берет и плащ, и, прислонившись к косяку, чтобы удобнее было целиться, он стреляет Уилкинсону в затылок из длинноствольного маузера. Горничная вскрикивает: «Ай!» – затем начинает плакать, закрыв лицо передником. Филип, услышав выстрел, толкает Дороти на постель и с револьвером в правой руке идет к двери и, пользуясь ею как прикрытием, смотрит в одну, потом в другую сторону; затем выходит в коридор и входит в соседнюю комнату. Увидев у него в руке револьвер, горничная снова вскрикивает.

Перестаньте.

Он подходит к Уилкинсону и приподнимает его голову; голова тотчас же снова падает.

Сволочи. А, сволочи.

Дороти вышла за ним в коридор и остановилась в дверях. Он вталкивает ее обратно в комнату.

Уходи отсюда.

Дороти . Филип, что это?

Филип . Не смотри туда. Этот человек мертв. Его застрелили.

Дороти . Кто застрелил?

Филип . Может быть, он сам застрелился. Тебя это не касается. Уходи отсюда. Ты что, никогда не видела мертвое тело? Ты же все-таки военная корреспондентка. Уходи отсюда и садись писать статью. Это все тебя не касается. *(Обращается к горничной.)* Эти банки и бутылки заберите тоже, и поскорее. *(Начинает выбрасывать вещи из шкафа на кровать.)*
Все сгущенное молоко. **Все** мясные консервы. **Весь** сахар. **Всю** лососину в томате. **Весь** одеколон. **Все** мыло. Уберите это отсюда. Придется вызвать полицию.

Занавес

Конец первого акта

Акт II, сцена 1

Комната в штабе Сегуридад. Простой стол, на нем только лампа с зеленым абажуром. Ставни на окнах закрыты. За столом сидит невысокий человек с лицом аскета; у него тонкие губы, ястребиный нос, очень густые брови. На стуле у стола сидит Филип. В руках у человека с ястребиным носом карандаш. Перед столом сидит другой человек. Он глухо рыдает. Антонио (человек с ястребиным носом) внимательно смотрит на него. Это – 1-й боец из третьей сцены первого акта. Он с непокрытой головой, в одной рубашке; подтяжки расстегнуты и свисают вниз. При поднятии занавеса Филип встает и смотрит на 1-го бойца.

Филип *(усталым голосом)* . Я хочу задать вам еще один вопрос.

1-й боец . Не спрашивайте меня. Пожалуйста, не спрашивайте меня. Я не хочу, чтоб вы меня спрашивали.

Филип . Вы – заснули?

1-й боец *(задыхаясь)* . Да.

Филип *(очень усталым, безжизненным голосом)* . Вы знаете, что за это полагается?

1-й боец . Да.

Филип . Почему вы не сказали об этом сразу и не избавили нас от стольких хлопот? Я бы не расстрелял вас за это. Вы меня удивляете. Что же, по-вашему, люди расстреливают людей ради удовольствия?

1-й боец . Надо было сказать. Я боялся.

Филип . Да. Надо было сказать.

1-й боец . Верно, товарищ комиссар.

Филип *(холодно, обращаясь к Антонио)* . Как вы думаете – он в самом деле заснул?

Антонио . Откуда я могу знать? Вы хотите, чтобы я его допросил?

Филип . Нет, *mi согонел*19, нет. Нам нужны сведения. Нам не нужны признания. *(1-му бойцу.)* Скажите, что вам снилось, когда вы заснули?

1-й боец *(подавляет рыдания, колеблется, потом говорит)* . Не помню.

Филип . Постарайтесь вспомнить. Не торопитесь. Я просто хочу проверить. Только не лгите. Я все равно узнаю.

1-й боец . Я уже вспомнил. Я стоял, прислонившись к стене, и крепко прижимал к себе винтовку. Да, я помню. *(Голос у него срывается.)* Мне... мне приснилось, что это мою девушку я обнимаю, и она что-то говорит мне. Я не помню что. Это был просто сон. *(Голос у него срывается.)*

Филип *(к Антонио)* . Вас это удовлетворяет?

Антонио . Я не совсем понимаю.

Филип . Пожалуй, этого никто не понимает совсем, но я теперь убежден. *(1-му бойцу.)*
Как зовут вашу девушку?

1-й боец . Альма.

Филип . Хорошо. Когда будете ей писать, скажите, что она принесла вам счастье. *(К Антонио.)* Я лично считаю возможным отпустить его. Он читает «Дейли уоркер». Он знает Джо Норта²⁰. Он любит девушку, которую зовут Альма. Он на хорошем счету в бригаде, и он заснул на посту и упустил человека, который застрелил потом юношу по фамилии Уилкинсон, приняв его за меня. По-моему, ему нужно всякий раз давать хорошую порцию кофе, чтобы он не засыпал на посту и не обнимал девушек во сне. Слушайте, товарищ, если я был груб с вами при исполнении обязанностей – очень сожалею.

Антонио . Я хотел бы задать несколько вопросов.

Филип . Слушайте, *mi согонел*. Если бы вы считали меня непригодным к этим делам, вы бы мне их больше не поручали. Этот парень совершенно чист. Вы сами знаете, никого из нас нельзя назвать чистым в полном смысле слова. Но этот парень чист. Он просто заснул, а я ведь, знаете, не судья. Я просто работаю у вас ради идеи и ради Республики и тому подобное. А у нас в Америке был президент по имени Линкольн, который смягчал приговоры часовым, заснувшим на посту и присужденным за это к расстрелу. Так вот, если вы не возражаете, давайте, так сказать, смягчим и этому приговор. Он, видите ли, из батальона Линкольна²¹ – а это очень хороший батальон. Это такой, черт возьми, замечательный батальон, и он столько сделал замечательных дел, что даже вы были бы потрясены, если бы я вам рассказал. И если бы я служил в этом батальоне, я бы радовался и гордился и не чувствовал бы того, что я чувствую, работая здесь. Но я не служу в этом батальоне. Я просто второразрядный полицейский, прикидывающийся третьеразрядным журналистом. Теперь вот что, товарищ Альма... *(Оборачиваясь к арестованному.)* Если вы еще когда-нибудь заснете на посту, выполняя мое задание, я сам пристрелю вас, понятно? Вы слышали? Так и напишите своей Альме.

Антонио звонит.

Входят два штурмгвардейца.

Антонио . Увести арестованного. Вы очень туманно говорите, Филип. Но мы вас достаточно знаем и доверяем вам.

1-й боец . Спасибо, товарищ комиссар.

Филип . Ох, не говорите вы никогда «спасибо» на войне. Ведь мы на войне. А на войне «спасибо» не говорят. Но, в общем, ладно. И когда будете писать Альме, скажите ей, что она принесла вам счастье.

1-й боец выходит в сопровождении штурмгвардейцев.

Антонио . Так, ну теперь дальше. Этот человек жил в номере сто седьмом и убил Уилкинсона, приняв его за вас, – а кто он такой?

Филип . Ну, этого я не знаю. Санта-Клаус, вероятно. Он значится под номером. Они все под номерами, от А1 до А10, потом от В1 до В10, потом от С1 до С10, и они убивают людей, и устраивают взрывы, и делают все то, что вы сами прекрасно знаете. И они работают изо всех сил, и нельзя сказать, чтоб от этого получался большой толк. Но они убивают много людей, которых вовсе не следовало бы убивать. Вся беда в том, что они очень крепко

организованы, по системе старой кубинской АВС, и пока не поймашь того, с кем они связаны вне Мадрида, проку не будет. Это все равно, что вскрывать фурункулы за фурункулом, вместо того чтобы пить дрожжи по системе Флейшмана. Слушайте, вы меня останавливайте, если я очень начну путать.

Антонио . А почему было просто не взять этого человека силой?

Филип . Потому что нельзя поднимать слишком много шума, чтобы не спугнуть остальных, которые гораздо важнее. Этот – всего только убийца.

Антонио . Да. В этом городе с миллионным населением еще немало осталось фашистов, и они ведут работу изнутри. Те, у кого хватает на это смелости. Их, должно быть, не меньше двадцати тысяч.

Филип . Больше. Вдвое больше. Слушайте – эта работа, которую мы сейчас ведем. Ее как-то глупо называют – контрразведка. Вас она никогда не мучает?

Антонио (*просто*) . Нет.

Филип . А меня мучает, уже давно.

Антонио . Но ведь вы совсем недавно на этой работе.

Филип . Целых двенадцать месяцев в одной только Испании, Тонино. А до того – на Кубе. Вы когда-нибудь бывали на Кубе?

Антонио . Да.

Филип . Там я втянулся в это.

Антонио . Как же это вы втянулись?

Филип . Понимаете, кое-кто по неосторожности стал доверять мне. И, может быть, именно потому, что это было неосторожно, мне пришлось научиться оправдывать доверие. Знаете, ничего особенного, но просто в известной степени оправдывать доверие. Ну, потом так оно и выходит. Тебе доверяют кое-что, и ты все делаешь как следует. А потом начинаешь верить в это. В конце концов начинаешь, пожалуй, даже любить это. Кажется, я не очень хорошо объясняю.

Антонио . Вы хороший товарищ. Вы хорошо работаете. Вам очень доверяют.

Филип . Слишком, черт возьми. А я устал, и я вконец измучен. Знаете, чего бы мне хотелось? Мне бы хотелось никогда, во всю свою жизнь, не убивать больше ни одного человека, все равно кого и за что. Мне бы хотелось никогда не лгать. Мне бы хотелось знать, кто лежит рядом, когда я просыпаюсь утром. Мне бы хотелось целую неделю подряд просыпаться в одном и том же месте. Мне бы хотелось жениться на девушке по фамилии Бриджес, вы ее не знаете. Но позвольте мне назвать ее фамилию, потому что мне это приятно. И мне потому хотелось бы жениться на ней, что у нее самые длинные, стройные и красивые ноги в мире, и я могу не слушать ее, если она говорит глупости. Но мне бы очень хотелось посмотреть, какие были бы дети.

Антонио . Это та высокая блондинка, которая живет с американским корреспондентом?

Филип . Не говорите о ней так. Она не высокая блондинка, которая живет с каким-то корреспондентом. Она – моя девушка. А если я слишком много болтаю и отнимаю у вас драгоценное время, не стесняйтесь, прервите меня. Вы знаете, я ведь редкий экземпляр. Я могу говорить и по-английски и по-американски. Вырос я в одной стране, воспитывался в другой. Это – мой хлеб.

Антонио (*успокаивающе*) . Знаю. Вы устали, Филип.

Филип . Вот сейчас я говорю по-американски. У Бриджес та же самая история. Только я не уверен, умеет ли она говорить по-американски. Понимаете, она изучала язык в колледже, но знаете, что самое смешное, – хотите, я вам скажу. Мне нравится слушать, как она говорит. **Что** она говорит, до этого мне дела нет. Я сейчас размяк, понимаете. Я с самого завтрака капли в рот не брал, но я гораздо пьянее, чем после выпивки, а это скверный признак. Ничего, что один из ваших оперативных работников размяк, *mi sogonel?*

Антонио . Вам нужно лечь. Вы очень устали, Филип, а работы впереди еще много.

Филип . Верно. Я очень устал, а работы впереди много. Я должен встретиться у Чикоте

с одним товарищем. Его зовут Макс. Да, это не преувеличение, работы впереди много. Макс, вы его, конечно, знаете, фамилии он не носит, так что сразу ясно, что это не простой человек, а моя фамилия Ролингс, как и была, когда я начинал. Из чего вы можете заключить, что я не очень далеко продвинулся в этом деле. О чем я говорил?

Антонио . О Максe.

Филип . Макс. Да, да. Макс. Так вот, он должен был приехать еще вчера. Он уже две недели лавирует или – как это лучше сказать? – курсирует в фашистском тылу. Это его специальность. И он говорит, а он не лжет. А я лгу. Но сейчас – нет. Но как бы там ни было, а я очень устал, понимаете, и мне претит моя работа, и я издергался, как сукин сын, потому что я нервничаю, а нервничаю я не часто.

Антонио . Продолжайте. Только поменьше темперамента.

Филип . Он говорит, – это Макс говорит, хотел бы я знать, где он сейчас, этот чертов Макс, – что он обнаружил одно место, один наблюдательный пункт, понимаете? Там смотрят, куда попадают снаряды, и сообщают, если неверно, понимаете? Ну вот, один такой пункт. И он говорит, что туда приходит командир артиллерийской части, которая обстреливает город, немец, и с ним один бесподобный politico²². Понимаете, настоящий музейный экземпляр. Тоже приходит туда. Вот Макс и думает. А я думаю, что он спятил. Но он умеет думать лучше меня. Я думаю быстрее, но он лучше. Что мы можем захватить эту пару. Теперь вы, пожалуйста, слушайте меня очень внимательно, *mi coronel*, и в случае чего тут же поправляйте меня. По-моему, это все очень уж романтично. Но Макс говорит, – а он немец и очень практичен, и ему отправиться к фашистам в тыл все равно что другому сходить в парикмахерскую. Так вот, он говорит, что это вполне можно сделать. И я решил. Я сейчас совсем пьяный, оттого что так долго ничего не пил. Что, если мы пока отложим другие задания и попробуем доставить вам эту пару? От немца нам едва ли будет много проку, но его можно выгодно обменять, и потом, это почему-то очень уж нравится Максу. Но за того politico вы нам скажете спасибо, *mi coronel*. Потому что это страшный человек. Я серьезно говорю, страшный. Понимаете, он – вне города. Но он знает тех, которые в городе. И вам стоит только заставить его говорить – и вы тоже будете знать тех, которые в городе. Потому что они все держат с ним связь. Я слишком много говорю, да?

Антонио . Филип!

Филип . Да, *mi coronel*?

Антонио . Филип, идите сейчас к Чикоте, выпейте как следует и потом делайте свое дело. А в случае чего сейчас же дайте мне знать, лично или по телефону.

Филип . А как мне говорить, *mi coronel*, по-английски или по-американски?

Антонио . Как хотите. Не говорите только глупостей. Ну, а теперь уходите, потому что хоть мы и друзья и я вас очень люблю, но у меня еще много дела. Слушайте, это все верно, про этот наблюдательный пункт?

Филип . Абсолютно.

Антонио . Тогда это интересно.

Филип . Но очень фантастично, правда? Ужасно фантастично, *mi coronel*.

Антонио . Вам пора, Филип, идите.

Филип . Значит, все равно, как говорить, – по-английски или по-американски?

Антонио . Довольно разговоров. Идите.

Филип . Тогда я лучше буду говорить по-английски. Черт, по-английски мне гораздо легче лгать, даже обидно.

Антонио . Идите. Идите. Идите.

Филип . Слушаю, *mi coronel*. Спасибо за поучительную беседу. Я сейчас прямо к Чикоте. *(Отдает честь, смотрит на часы и выходит.)*

Антонио за столом, смотрит ему вслед. Затем звонит.

Входят два штурмгвардейца и отдают честь.

Антонио . Приведите арестованного, которого вы отсюда взяли. Я хочу поговорить с ним с глазу на глаз.

Занавес

Акт II, сцена 2

Угловой столик в баре Чикоте. Это первый столик справа от двери. Дверь и окно на три четверти забаррикадированы мешками с песком. За столиком сидят Филип и Анита. К столику подходит официант.

Филип . Осталось еще виски?

Официант . Только джин остался.

Филип . Хороший джин?

Официант . Желтый, от Бута. Самый лучший.

Филип . И пива дайте.

Анита . Больше не любишь?

Филип . Нет.

Анита . Большой ошибка эта большой блондинка.

Филип . Большой блондинка?

Анита . Длинный, большой блондинка. Высокий, как башня. Большой, как лошадь.

Филип . Золотистая, как пшеничное поле.

Анита . Ошибка. Большой женщина. Большой ошибка.

Филип . С чего ты взяла, что она такая большая?

Анита . Не большой? Большой, как танк. Подожди, когда будешь сделать ей ребенок. Не большой? Как грузовик «студебеккер».

Филип . Как у тебя хорошо выходит «студебеккер».

Анита . Да, самый лучший английский слово. «Студебеккер». Красиво. Почему не любишь?

Филип . Не знаю, Анита. Понимаешь ли, все меняется. *(Смотрит на часы.)*

Анита . Я не менялся. Раньше тебе нравился.

Филип . Знаю.

Анита . Раньше нравился. Опять понравился. Надо только стараться.

Филип . Знаю.

Анита . Когда есть что-нибудь хороший, не надо уходили. Эта большая женщина – много хлопот. Я знаю. Я сама долго был такой.

Филип . Ты умница, Анита.

Анита . Может быть, это потому, что люди меня ругал. Зачем я кусал мистер Вернон?

Филип . Нет. Конечно, нет.

Анита . Я бы много дал это не делать.

Филип . Об этом уже давно забыли.

Анита . Ты знаешь, почему я кусал? Все знают, я кусал, а никто не спросит почему?

Филип . Ну, почему?

Анита . Он хотел взять из моей чулок триста песет. Что мне делать? Говорить «да, да, бери, пожалуйста»? Нет, я кусал.

Филип . Правильно.

Анита . Ты так думаешь? Правда?

Филип . Правда.

Анита . Ты хороший. Слушай, ты теперь не будешь делать ошибки с большой блондинка?

Филип . Знаешь, Анита, – боюсь, что буду. Боюсь, что в этом-то вся беда. Мне ужасно

хочется сделать колоссальную ошибку. (Он подзывает официанта, смотрит на свои часы. Официанту.) Который час на ваших?

Официант (смотрит на стенные часы над стойкой и на ручные часы Филипа) . Ваши верны.

Анита . Вот и будет колоссальный.

Филип . Ты ревнуешь?

Анита . Нет. Только ненавижу. Вчера вечером я старался любить. Я говорил о'кей, все товарищи. Идет большой стрельба. Может всех убивать. Надо все со всеми товарищами. Трубка мира. Не думай о себе. Не будь эгоист. Люби врага, как себя. Все эти глупости.

Филип . Да, это было ужасно.

Анита . Такой глупости только можно до утра. А как проснулся, я сразу – ненавижу эту женщина.

Филип . Не надо, Анита.

Анита . Что ей нужно от тебя? Она брать мужчина, как цветы рвать. От скука. Просто рвать цветы и поставить в комната. Ты ей нравился, потому что ты тоже большой. Слушай, мне ты нравился, даже если карлик.

Филип . Ну, ну, Анита. Не увлекайся.

Анита . Слушай хорошо. Ты мне нравился, все равно, если больной. Все равно, если старый и урод. Все равно, если горбатый.

Филип . Горбуны – счастливые.

Анита . Ты мне нравился, если несчастный горбун. Ты мне нравился, если нет деньги. Тебе нужно деньги? Я буду тебе давать.

Филип . Вот, кажется, единственное, чего я не пробовал на этой работе.

Анита . Я не в шутку. Я серьезно. Филип, не надо блондинка. Ты приходи назад, где для тебя о'кей.

Филип . Боюсь, что не выйдет, Анита.

Анита . Попробуй. Ничего не менялся. Раньше нравился, опять понравится. Всегда так, когда мужчина – настоящий мужчина.

Филип . А я, вот видишь, переменился. Я и сам не рад.

Анита . Ты не менялся. Я тебя знаю хорошо. Я тебя знаю давно. Такие, как ты, – не меняться.

Филип . Все люди меняются.

Анита . Неправда. Устать, да. Уходить, да. Пошататься, да. Сердиться, да, да. Обижать, да, очень много. Меняться? Нет. Только новый привычка. Это привычка, больше ничего. И всегда так, одинаково.

Филип . Я понимаю. Это верно. Но, видишь ли, встреча с кем-нибудь из своих – это выбивает из колеи.

Анита . Она не свой. Не такой, как ты. Это другой порода.

Филип . Нет, это та же порода.

Анита . Слушай, эта большой блондинка уже делал тебя сумасшедший. Ты уже не думать правильно. Она похож на тебя, как краска похож на кровь. Посмотреть – одинаковый. Может быть, кровь. Может быть, краска. Хорошо. Наливай краска в тело вместо кровь. Что будет? Американский женщина.

Филип . Ты несправедлива к ней, Анита. Пусть она ленива, избалована, даже глупа и страшная эгоистка. Но она очень красивая, очень милая, очень привлекательная и даже честная – и, безусловно, храбрая.

Анита . О'кей. Красивый? Зачем тебе красота, когда ты свое уже получил. Я тебя знаю хорошо. Милый? О'кей; может быть, милый, может быть, и не милый. Привлекательный? Да. Она привлекать, как змея кролик. Честный? Ты меня смешил. Ха-ха-ха! Честный, пока не доказывал, что нечестный. Храбрый? Храбрый! Ты опять меня смешил до слез. Храбрый! Вот я смеюсь. Хо-хо-хо! О чем ты думал в эта война, если не видишь, кто храбрый и кто просто не понимать опасность. Храбрый... Вот так. (Встает из-за стола и хлопает себя по

заду.) Вот. А теперь я ушел.

Филип . Ты очень строго о ней судишь.

Анита . Строго? Я бы бросал гранату в постель, где она спать, сию минуту. Я говорю правда. Вчера вечером я старался. Все эти глупости. Приносить жертва. Уступить. Ты знаешь. Теперь только одно – и самое лучшее. Ненавижу.

(Уходит.)

Филип *(официанту)* . Меня не спрашивал товарищ из Интернациональной бригады? Зовут его Макс. У него лицо изуродовано, вот тут. *(Показывает рукой на рот и подбородок.)* Передних зубов нет. И десны черные, там, где жгли каленым железом. А здесь шрам. *(Проводит пальцем по нижней челюсти.)* Не видели такого товарища?

Официант . Такого здесь не было.

Филип . Если такой товарищ придет, попросите его зайти в отель.

Официант . В какой отель?

Филип . Он знает в какой. *(Выходит, в дверях оглядывается.)* Скажите ему, что я пошел его искать.

Занавес

Акт II, сцена 3

Декорация та же, что в сцене 3 акта I. Два смежных номера 109 и 110 в отеле «Флорида». Уже темно, и занавеси задернуты. В номере 110 темно, и там никого нет. Номер 109 ярко освещен: горит настольная лампа, люстра на потолке и лампочка, прикрепленная к спинке кровати. Включены и рефлектор и плитка. Дороти Бриджес в закрытом свитере, суконной юбке, шерстяных чулках и мягких сапожках что-то варит в кастрюле с длинной ручкой. В прикрытые занавесями окна проникает далекий гул орудий, Дороти звонит. На звонок никто не является. Она звонит еще раз.

Дороти . Ох, чтоб его, этого монтера. *(Подходит к двери и открывает ее.)* Петра! Петра!

Слышны приближающиеся шаги горничной. Она показывается в дверях.

Петра . Да, сеньорита?

Дороти . Где монтер, Петра?

Петра . Разве вы не знаете?

Дороти . Нет. А что? Пусть он придет починить звонок.

Петра . Он не может прийти, сеньорита, потому что его нет в живых.

Дороти . Что такое?

Петра . Он был убит вчера вечером, он вышел на улицу во время обстрела.

Дороти . Он вышел на улицу во время обстрела?

Петра . Да, сеньорита. Он шел домой. Он немного выпил.

Дороти . Несчастный!

Петра . Да, сеньорита, это ужасно.

Дороти . А как он был убит?

Петра . Говорят, кто-то стрелял в него из окна. Я не знаю. Так говорят.

Дороти . Кто же станет стрелять из окна?

Петра . Они всегда стреляют из окон по ночам во время канонады. Пятая колонна. Те люди, которые воюют против нас в самом городе.

Дороти . А зачем им понадобилось убивать его? Ведь он был простой рабочий.

Петра . Они и видели, что он рабочий, – по одежде.

Дороти . Ну конечно, Петра.

Петра . Потому-то они его и убили. Они наши враги. Даже мои враги. Если бы меня убили, они бы радовались. Они бы думали: одной рабочей душой меньше.

Дороти . Но ведь это ужасно.

Петра . Да, сеньорита.

Дороти . Это же отвратительно. Значит, они стреляют в людей, даже не зная, в кого они стреляют?

Петра . Ну да. Они наши враги.

Дороти . Это ужасные люди.

Петра . Да, сеньорита.

Дороти . А где мы возьмем монтера?

Петра . Завтра мы найдем кого-нибудь. Но сейчас никто не придет. Вы лучше не жгите столько света, сеньорита, а то как бы пробки не перегорели. Оставьте только одну лампу.

Дороти гасит все лампы, кроме лампочки у кровати.

Дороти . Так мне даже не видно, что из моей стряпни выходит. Пожалуй, это и лучше. На банке не сказано, можно это греть или нет. Вот гадость, должно быть, получится!

Петра . А что у вас там варится, сеньорита?

Дороти . Не знаю, Петра. Этикетки не было.

Петра (*заглядывая в кастрюлю*) . Похоже на кролика.

Дороти . Если похоже на кролика, значит, это кошка. Но только какой смысл укладывать кошатину в банку и посылать сюда из Парижа? Возможно, конечно, что это приготовили в Барселоне, потом отправили в Париж, а потом привезли сюда. Как вы думаете, Петра, это кошка?

Петра . Если это приготовили в Барселоне, одному богу известно, что это.

Дороти . Ох, и надоело же мне с этим возиться. Петра, возьмите вы и сварите.

Петра . Хорошо, сеньорита. А что сюда прибавить?

Дороти (*берет книгу, подходит к кровати и ложится*) . Что хотите. Откройте первую попавшуюся банку.

Петра . Это для мистера Филипа?

Дороти . Если он придет.

Петра . Мистеру Филипу не понравится первое попавшееся. Нужно быть поосторожнее, если это для мистера Филипа. Он уже раз швырнул на пол поднос с завтраком.

Дороти . А почему, Петра?

Петра . Он что-то прочел в газете.

Дороти . Должно быть, про Идена²³. Он ненавидит Идена.

Петра . Все равно, это было очень нехорошо. Я сказала ему, что он не имеет права. No hau derecho, я сказала ему.

Дороти . А он что?

Петра . Помог мне подобрать все, а потом хлопнул меня вот так, когда я стояла нагнувшись. Сеньора, мне не нравится, что он в соседней комнате. Он вам не пара.

Дороти . Я люблю его, Петра.

Петра . Сеньорита! Пожалуйста, не надо. Сеньорита, он нехороший. Я не говорю, что он злой человек. Но он нехороший.

Дороти . По-вашему, он противный?

Петра . Нет, не противный. Противный – это грязный. А он очень чистый. Всегда принимает ванну, даже когда нет горячей воды. В самый мороз и то ноги моет. А все-таки, сеньорита, он нехороший. И вы не будете счастливы с ним.

Дороти . Петра, я еще никогда ни с кем не была так счастлива, как с ним.

Петра . Сеньорита, это ничего не значит.

Дороти . Как это так, ничего не значит?

Петра . Здесь любой мужчина это умеет.

Дороти . Вы просто нация хвастунов. Сейчас пойдут рассказы про конкистадоров и тому подобное.

Петра . Я только хотела сказать, что нехорошие мужчины все здесь такие. Случается, конечно, что и хороший человек таким бывает, настоящий хороший человек, как мой покойный муж. Но нехорошие – все такие.

Дороти . Да, на словах.

Петра . Нет, сеньорита.

Дороти (*заинтересованно*) . Неужели в самом деле...

Петра (*грустно*) . Да, сеньорита.

Дороти . И вы думаете, что мистер Филип в самом деле нехороший человек?

Петра (*серьезно*) . Ужасный!

Дороти . Ох, где же это он пропадает?

Из коридора доносится топот тяжелых башмаков. Филип и три бойца в форме Интернациональной бригады входят в номер 110, и Филип зажигает свет. Филип – без шляпы, промокший, растрепанный. Один из бойцов – Макс, человек с изуродованным лицом. Он весь в грязи; войдя в комнату, он садится верхом на стул, складывает руки на спинке и опускает на них подбородок. У него очень странное лицо. У одного из бойцов через плечо висит автомат. У другого на поясе парабеллум в деревянной кобуре.

Филип . Эти две комнаты нужно изолировать от коридора. Всех, кто захочет меня видеть, вы сами введете сюда. Сколько людей внизу?

Боец с автоматом . Двадцать пять.

Филип . Вот ключи от номера сто восемь и сто одиннадцать. (*Дает каждому по ключу.*) Двери откройте и стойте на пороге, чтобы следить за коридором. Нет, лучше возьмите каждый по стулу и садитесь в дверях. Ну, вот. Ступайте, товарищи!

Они отдают честь и выходят. Филип подходит к бойцу с изуродованным лицом. Кладет ему руку на плечо. Публике видно было, что он заснул, но Филип этого не знает.

Макс!

Макс, проснувшись, смотрит на Филипа, улыбается.

Очень трудно было, Макс?

Макс смотрит на него, снова улыбается и качает головой.

Макс . Nicht zu schwer.24

Филип . Ну, когда же он там бывает?

Макс . По вечерам, во время обстрела.

Филип . А где именно это?

Макс . На крыше одного дома на Эстремадурской дороге. Там есть башенка.

Филип . Я думал – на Гарабитас.

Макс . И я так думал.

Филип . А когда будет очередной обстрел?

Макс . Сегодня ночью.

Филип . В котором часу?

Макс . Viertel nach zwolf.25

Филип . Ты уверен?

Макс . Ты бы посмотрел на снаряды. Все приготовлено. Порядку у них немного. Если бы не мое лицо, я мог бы остаться и обслуживать оружие. Может быть, меня зачислили бы в часть.

Филип . Где ты переделся? Я повсюду искал тебя.

Макс . В пустом доме в Карабанчеле. Там их больше сотни на участке, который никем не занят, выбирай любой. Сто четыре, кажется. Между нашими и их позициями. Было нетрудно. Солдаты – все молодежь. Только если бы офицер увидел мое лицо... Офицеры знают, откуда выходят с такими лицами.

Филип . Ну, так как же?

Макс . По-моему, идти сегодня в ночь. Чего дожидаться?

Филип . Как дорога?

Макс . Грязно.

Филип . Сколько тебе нужно людей?

Макс . Ты да я. Или кого ты пошлешь со мной.

Филип . Я пойду.

Макс . Отлично. А теперь, не принять ли ванну?

Филип . Правильно! Валяй.

Макс . А потом я немного посплю.

Филип . В котором часу выйдем?

Макс . В половине десятого.

Филип . Тогда ложись спать.

Макс . Ты меня разбудишь? (*Идет в ванную.*)

Филип выходит из комнаты, закрывает за собой дверь и стучит в дверь номера 109.

Дороти (*с кровати*) . Войдите!

Филип . Здравствуй, дорогая.

Дороти . Здравствуй.

Филип . Ты стряпаешь?

Дороти . Стряпала, но мне надоело. Ты голоден?

Филип . Как волк.

Дороти . Вон там стоит кастрюля. Включи плитку, подогреется.

Филип . Что с тобой, Бриджес?

Дороти . Где ты был?

Филип . Просто ходил по городу.

Дороти . Зачем?

Филип . Просто так.

Дороти . Ты оставил меня одну на целый день. С самого утра, как только убили этого несчастного мальчишку, ты ушел и оставил меня одну. Я целый день просидела тут, дожидаясь тебя. Никто даже не заходил ко мне, кроме Престона, да и тот вел себя так, что мне пришлось его выставить. Где ты был?

Филип . Просто так, шатался.

Дороти . У Чикоте?

Филип . Да.

Дороти . А эту противную марокканку видел?

Филип . Кого, Аниту? Видел. Она тебе кланяется.

Дороти . Она ужасная. Можешь оставить ее поклоны при себе.

Филип положил себе на тарелку немного содержимого кастрюли и пробует.

Филип . Ого! Что это такое?

Дороти . Не знаю.

Филип . Да! Вот это кушанье. Ты сама готовила?

Дороти (*неуверенно*) . Сама. Тебе нравится?

Филип . Я не знал, что ты умеешь так вкусно готовить.

Дороти (*смущенно*) . Тебе правда нравится?

Филип . Очень! Только с какой стати ты напихала сюда килек?

Дороти . Черт бы побрал эту Петру! Не ту банку открыла!

В дверь стучат. В коридоре стоит управляющий. Его крепко держит за плечо боец с автоматом.

Боец с автоматом . Товарищ говорит, что хочет видеть вас.

Филип . Спасибо, товарищ. Пусть войдет.

Боец с автоматом отпускает управляющего и отдает честь.

Управляющий . Сущя безделица, мистер Филип. Проходя по коридору, почувствовал запах жареного – учтите обостренное голодом обоняние – и остановился. Немедленно был схвачен этим товарищем. Все в порядке, мистер Филип. Сущя безделица. Не беспокойтесь. Bien provecho²⁶, мистер Филип. Приятного аппетита, мадам!

Филип . Вы пришли очень кстати. У меня есть кое-что для вас. Возьмите вот это. (*Хватает кастрюлю, тарелку, вилку, ложку и отдает управляющему.*)

Управляющий . Мистер Филип. Нет. Я не могу это взять.

Филип . Carnarada филателист, вы должны.

Управляющий . Нет, нет, мистер Филип. (*Берет.*) Я не могу. Я тронут до слез. Никак не могу. Это слишком много!

Филип . Carnarada, ни слова больше.

Управляющий . Сердце мое тает в груди, мистер Филип, – от глубины чувствительного сердца приношу благодарность. (*Выходит, держа в одной руке тарелку, в другой кастрюлю.*)

Дороти . Филип, не сердись на меня.

Филип . С твоего разрешения, я выпью виски с чистой водой. А потом, может быть, ты откроешь банку тушеного мяса и нарежешь луку?

Дороти . Ох, Филип, милый, я не выношу запаха лука.

Филип . Думаю, сегодня ночью нам это не помешает.

Дороти . Как, разве тебя здесь не будет?

Филип . Мне придется уйти.

Дороти . Куда?

Филип . С приятелями.

Дороти . Я знаю, что это значит.

Филип . Неужели?

Дороти . Да. Слишком хорошо знаю.

Филип . Мерзко, правда?

Дороти . Отвратительно! Глупо и отвратительно, на что ты тратишь свое время и свою жизнь.

Филип . В мои-то годы и с моими способностями.

Дороти . Как тебе не стыдно уходить, когда мы могли опять так хорошо провести вечер.

Филип . Просто свинство, правда?

Дороти . Филип, почему тебе не остаться? Можешь пить виски и вообще делать, что тебе угодно. Я буду веселая, буду заводить патефон и даже выпью с тобой – все равно, пусть завтра голова трещит. Если хочешь, чтобы был народ, позовем кучу народа. Пусть будет шумно и накурено, все, что ты хочешь. Не надо уходить, Филип!

Филип . Иди, поцелуй меня! *(Обнимает ее.)*

Дороти . И не ешь луку, Филип. Если ты не будешь есть луку, я буду больше уверена в тебе.

Филип . Ладно. Не буду есть луку. Может, у тебя найдется кетчуп?

В дверь стучат. Боец в автомате опять ведет управляющего.

Боец с автоматом . Этот товарищ опять пришел.

Филип . Спасибо, товарищ. Пусть войдет.

Боец с автоматом отдает честь и уходит.

Управляющий . Я только зашел сказать, что отлично понимаю шутки, мистер Филип. Чувство юмора и тому подобное. *(Грустно.)* Только пицца в наше время – неподходящий предмет для шуток. Если подумать, – также и для порчи. Но это не важно. Я понимаю шутки.

Филип . Возьмите эти банки. *(Достает из шкафа мясные консервы.)*

Дороти . Чьи это консервы?

Филип . Очевидно, твои.

Управляющий . Благодарю вас, мистер Филип. Превосходная шутка. Ха-ха! Слишком дорогая, пожалуй. Но благодарю вас, мистер Филип. Благодарю вас, мисс. *(Уходит.)*

Филип . Слушай, Бриджес. *(Обнимает ее.)* Не сердись, что я сегодня такой несговорчивый.

Дороти . Милый, я хочу только одного – чтобы ты не уходил. Я хочу, чтобы у нас было хоть немного по-семейному. Здесь хорошо. Я могу убрать твою комнату, там станет уютно.

Филип . Сегодня утром там было не очень уютно.

Дороти . Я так уберегу ее, что тебе приятно будет жить в ней. Я поставлю тебе удобное кресло, и настольную лампу, и полку с книгами, и картины повешу. Право же, я очень хорошо все устрою. Пожалуйста, останься сегодня дома, и ты увидишь, как будет хорошо.

Филип . Завтра останусь.

Дороти . А почему не сегодня, милый?

Филип . Такой уж сегодня беспокойный вечер, хочется, знаешь, погулять, потолкаться среди людей. А кроме того, у меня свидание с одним человеком.

Дороти . В котором часу?

Филип . В четверть первого.

Дороти . Ну, после приходи.

Филип . Ладно.

Дороти . Когда ни вернешься, все равно приходи.

Филип . Серьезно?

Дороти . Да. Пожалуйста.

Он обнимает ее. Гладит по волосам. Закидывает ей голову и целует. Снизу доносятся крики и пение. Слышно, как поют «Песню партизан». Песню поют всю, до конца.

Хорошая песня.

Филип . Тебе и не понять, какая это хорошая песня.

Слышно, как поют «Bandiere Rossa».

А эту знаешь?

Он сидит на краю постели.

Дороти . Да.

Филип . Лучшие люди, которых я знал, умирали за эту песню.

В соседней комнате боец с изуродованным лицом лежит на кровати и спит. Во время их разговора он вышел из ванной, высушил одежду, счистил с нее грязь и лег на кровать. Свет лампы падает на его лицо.

Дороти . Филип, Филип, ну пожалуйста, Филип.

Филип . Знаешь ли, я сегодня не в настроении.

Дороти (*разочарованно*) . Вот это хорошо. Вот это мило. Но я ведь только прошу, чтобы ты остался. Просто останься дома, и мы посидим тихо, уютно, по-семейному.

Филип . Мне нужно идти. Правда.

Внизу поют «Коминтерн».

Дороти . Вот это всегда играют на похоронах.

Филип . А поют не только на похоронах.

Дороти . Филип, ну не уходи!

Филип (*обнимая ее*) . До свидания.

Дороти . Нет, нет. Не уходи. Я тебя прошу.

Филип (*вставая*) . Слушай, перед тем как ложиться, открой оба окна. А то ночью, если будет обстрел, стекла лопнут.

Дороти . Не уходи, Филип. Не уходи!

Филип . Salud, camarada.

Он не поднимает кулак. Идет в соседнюю комнату. Внизу опять поют «Партизан». Филип в номере 110 смотрит на спящего Макса, затем подходит к нему и будит.

Макс !

Макс, мгновенно проснувшись, озирается, мигает от яркого света и улыбается.

Макс . Пора?

Филип . Да. Выпить хочешь?

Макс (*встает с постели, улыбается и ощупывает свои сапоги, которые сохли перед электрическим камином*) . Очень даже.

Филип наливает виски в два стакана и тянется за графином.

Не подливай воды, жалко портить.

Филип . Salud.

Макс . Salud.

Филип . Идем.

Внизу бойцы поют «Интернационал». Пока занавес опускается, Дороти Бриджес в номере 109 лежит на постели и плачет, обхватив подушку руками.

Занавес

Акт II, сцена 4

Декорация сцены 3, но время – 4.30 утра. В обеих комнатах темно. Дороти Бриджес спит на своей кровати. Макс и Филип идут по коридору, Филип отпирает дверь номера 110 и зажигает свет. Они смотрят друг на друга. Макс качает головой. Оба так покрыты грязью, что их почти нельзя узнать. Филип идет в ванную. Потом выходит.

Филип . Ну что ж, в другой раз.

Макс . Мне очень жаль.

Филип . Ты не виноват. Ты первый пойдешь в ванну?

Макс (*садится и кладет голову на руки*) . Ступай ты первый. Я очень устал.

Филип идет в ванную. Потом выходит.

Филип . Горячей воды нет. Единственное, ради чего мы живем в этой проклятой мышеловке, это горячая вода, – так теперь и ее нет!

Макс (*совсем сонный*) . Мне очень грустно, что сорвалось, Я был уверен, что приедут. Кто ж их знал, что они не приедут.

Филип . Раздевайся и ложись спать. Ты разведчик, каких мало, ты отлично это знаешь. Никто бы не сделал того, что делаешь ты. Не твоя вина, если они отменили обстрел.

Макс (*силы его окончательно истощены*) . Спать хочу. Даже голова кружится, так спать хочу.

Филип . Давай я уложу тебя. (*Снимает с него сапоги, помогает раздеться. Потом укладывает на кровать.*)

Макс . Хорошо в постели. (*Обнимает подушку и раскидывает ноги.*) Я всегда сплю, уткнув лицо в подушку, по крайней мере, утром никто не пугается.

Филип (*у двери ванной*) . Располагайся поудобнее. Я переночую в другом месте.

Филип входит в ванную, слышно, как он там полощется. Он выходит в пижаме и халате, открывает дверь в смежную комнату, пролезает под плакатом, подходит к кровати и ложится.

Дороти (*в темноте*) . Милый, сейчас поздно?

Филип . Около пяти.

Дороти (*очень сонная*) . Где ты был?

Филип . В гостях.

Дороти (*все еще в полусне*) . А свидание состоялось?

Филип (*переворачивается на другой бок, так что они лежат спина к спине*) . Он не пришел.

Дороти (*очень сонная, но ей не терпится сообщить новость*) . А обстрела не было, милый.

Филип . Вот и хорошо!

Дороти . Спокойной ночи, милый.

Филип . Спокойной ночи.

В открытое окно доносится отдаленная пулеметная дробь: поп-поп-поп. Они лежат очень тихо, потом слышен голос Филипа.

Бриджес, ты спишь?

Дороти (*совсем сонная*) . Нет, милый; я не буду спать, если...

Филип . Я хочу тебе кое-что сказать.

Дороти (*сонная*) . Да, дорогой?

Филип . Я хочу сказать тебе две вещи. Во-первых, у меня мурашки, а во-вторых – я тебя люблю.

Дороти . Бедненький мой Филип.

Филип . Я никогда никому не говорю, когда у меня мурашки. и никогда никому не говорю, что люблю. Но я люблю тебя, понимаешь? Ты меня слышишь? Ты чувствуешь, что я здесь? Ты слышишь, как я это говорю?

Дороти . А я тебя тоже люблю. С тобой хорошо. Ты как снежный буран, только снег не холодный и не тает.

Филип . Днем я тебя не люблю. Днем я никого и ничего не люблю. Слушай, я вот что еще хочу сказать. Хочешь выйти за меня замуж, или просто всегда быть со мной, и ездить со мной повсюду, и быть моей любимой? Ты слышишь, я это говорю. Видишь, вот я и сказал.

Дороти . Лучше замуж, милый.

Филип . Да-а. Странные вещи я говорю по ночам, правда?

Дороти . Я бы хотела, чтоб мы поженились и много работали и чтобы у нас была хорошая жизнь. Знаешь, я вовсе не такая глупая, как кажется, а то бы я не была здесь. И я работаю, когда тебя нет. Только вот готовить не умею. Но ведь в нормальных условиях для этого нанимают прислугу. Ох, ты! Мне нравится, что у тебя такие широкие плечи, и походка, как у гориллы. и такое чудное лицо.

Филип . Мое лицо станет много чуднее к тому времени, как я закончу свою работу.

Дороти . Ну, как мурашки, милый? Проходят? Хочешь, Расскажи мне про твои мурашки.

Филип . А ну их к черту. У меня они так давно, что, если они совсем пройдут, мне чего-то будет не хватать. Я еще одну вещь хочу сказать тебе. *(Говорит очень медленно.)* Я хотел бы жениться на тебе, и уехать, и бросить все это. Я это сказал? Ты слышала?

Дороти . Ну, что ж, милый, так и будет.

Филип . Нет, не будет. Даже сейчас, ночью, я знаю, что этого не будет. Но мне приятно это говорить. Я люблю тебя. Черт, ах, черт, я люблю тебя. У тебя такое тело, какого нет ни у кого на свете. И я до смерти люблю тебя. Ты слышишь?

Дороти . Да, радость моя, только про мое тело – это тебе кажется. Тело как тело, но мне приятно слышать, как ты это говоришь. Ну, Расскажи мне про свои мурашки, может быть, они пройдут.

Филип . Нет. У каждого свои мурашки, и никому неохота передавать их другому.

Дороти . Может быть, попробуем заснуть? Милый ты мой. Мой милый снежный буран.

Филип . Уже светает, и я начинаю приходить в себя.

Дороти . Пожалуйста, постарайся уснуть.

Филип . Слушай, Бриджес, что я тебе еще скажу. Уже светает.

Дороти *(затаив дыхание)* . Да, милый?

Филип . Если ты хочешь, чтоб я заснул, Бриджес, возьми молоток и стукни меня по голове.

Занавес

Конец второго акта

Акт III, сцена 1

Время: пять дней спустя. Те же два смежных номера в отеле «Флорида» – 109 и 110. Декорация та же, что и в сцене 3 акта II, только дверь, соединяющая оба номера, открыта. Плакат внизу надорван, и в комнате Филипа на ночном столике стоит ваза с хризантемами. Справа от кровати, у стены, – этажерка с книгами, а кресла в кретоновых чехлах. На окнах занавески из того же кретоны, на постели покрывало. Петра аккуратно вешает костюмы в шкаф. Затем, нагнувшись, убирает в ящик три пары до блеска

начищенных мужских ботинок. В соседней комнате Дороти перед зеркалом примеряет пелерину из черно-бурых лисиц.

Дороти . Петра, подойдите сюда!

Петра (*выпрямляя свое маленькое старушечье тело*) . Иду, сеньорита.

Петра выходит в коридор, затем стучит в дверь номера 109 и входит.

(Всплеснув руками.) О сеньорита, какая прелесть!

Дороти (*рассматривая себя в зеркало через плечо*) . Что-то не то, Петра. Не знаю, в чем тут дело, но что-то не то.

Петра . Но это очень красиво, сеньорита!

Дороти . Нет, воротник испорчен. А я плохо говорю по-испански и не могу ничего объяснить этому кретину-меховщику. Настоящий кретин!

Слышно, как кто-то идет по коридору. Это Филип. Он открывает дверь номера 110 и озирается. Снимает кожаное пальто и швыряет его на постель, затем кидает берет на вешалку в углу. Берет падает на пол. Филип садится на одно из кресел в кретоновом чехле и снимает сапоги. Оставляет их среди комнаты, – с них течет вода, – и подходит к кровати. Снимает с кровати свое пальто и швыряет его как попало на стул. Затем ложится на кровать, вытаскивает подушки из-под покрывала, подкладывает их все под голову и зажигает лампу. Протянув руку, открывает дверцу ночного столика, достает бутылку виски, наливает немного в стакан, которым аккуратно было накрыто горлышко графина, и с размаху доливает в стакан воды. Держа стакан в левой руке, правой достает книгу с полки. С минуту лежит тихо, потом пожимает плечами и беспокойно ворочается. Наконец отстегивает от пояса кобуру и кладет ее на покрывало возле себя. Поднимает колени, делает первый глоток и принимается за книгу.

Дороти (*из соседней комнаты*) . Филип, Филип, милый!

Филип . Да?

Дороти . Пойди сюда.

Филип . Нет, дорогая.

Дороти . Я хочу тебе кое-что показать.

Филип (*читая*) . Принеси сюда.

Дороти . Хорошо, милый. (*Бросает последний взгляд в зеркало.*)

Она очень красива в пелерине, и воротник ничуть не испорчен. Она входит в комнату, горделиво, с большим шиком и изяществом, словно манекеница, демонстрирующая модель.

Филип . Где ты это взяла?

Дороти . Купила, милый

Филип . На какие деньги?

Дороти . На песеты.

Филип (*холодно*) . Очень мило.

Дороти . Тебе не нравится?

Филип (*все еще не спуская глаз с пелерины*) . Очень мило.

Дороти . Что с тобой, Филип?

Филип . Ничего.

Дороти . Ты хочешь, чтобы я совсем перестала одеваться?

Филип . Это твое личное дело.

Дороти . Но, милый, это же страшно дешево. Мех стоит всего-навсего тысячу двести песет шкурка.

Филип . Это жалование интербригадовца за сто двадцать дней. Постой. Это четыре месяца. Я не припомню ни одного, который четыре месяца пробыл бы на фронте и не был ранен или убит.

Дороти . Но, Филип, это не имеет ни малейшего отношения к бригадам. Я купила песеты в Париже на доллары, по курсу пятьдесят за доллар.

Филип (*холодно*) . Вот как?

Дороти . Да, милый. И почему мне не покупать лисиц, если хочется? Кто-нибудь же должен их покупать. На то они и существуют, а обходятся они дешевле, чем по двадцать два доллара шкурка.

Филип . Замечательно. А сколько тут шкурок?

Дороти . Около двенадцати. Ну, Филип, не сердись.

Филип . Ты, как видно, недурно наживаешься на войне. Как ты провезла свои песеты?

Дороти . В банке с кремом «Мум».

Филип . «Мум», ну конечно, «Мум». Вот именно «Мум». Ну и как? Запах «Мума» отшиб запах твоих денег?

Дороти . Господи, Филип, откуда такая щепетильность?

Филип . В вопросах экономики я всегда щепетилен. Я думаю, твои песеты с черной биржи не станут белее ни от «Мума», ни от этой другой гадости, которую употребляют дамы, – амолин, что ли.

Дороти . Если ты будешь дуться из-за моей пелерины, я уйду от тебя.

Филип . Пожалуйста.

Дороти направляется к двери, но оборачивается и говорит просительно.

Дороти . Ну не надо из-за этого дуться. Будь благоразумен и порадуйся, что у меня такая красивая вещь. Знаешь, о чем я думала перед твоим приходом? Я себе представила, что бы мы могли сейчас делать в Париже, вот так, под вечер.

Филип . В Париже?

Дороти . Уже начинает темнеть, и у нас с тобой свидание в баре отеля «Ритц», и на мне эта пелерина. Я сижу и жду тебя. Тыходишь, а на тебе двубортное пальто в талию, на голове котелок, а в руках тросточка.

Филип . Ты читалась американского журнала «Эсквайр». Ты же знаешь, что он не для чтения, а только для рассматривания картинок.

Дороти . Ты заказываешь виски с перье, а я потягиваю коктейль с шампанским.

Филип . Мне это не нравится.

Дороти . Что не нравится?

Филип . Твоя сказочка. Если тебе угодно грезить наяву, не впутывай меня, пожалуйста, в свои грезы.

Дороти . Это только игра, милый.

Филип . Ну так я больше не играю.

Дороти . А раньше ты играл, милый. И как весело было.

Филип . Считаю, что я выбыл из игры.

Дороти . Разве мы не друзья?

Филип . Ну конечно, мало ли друзей заводишь во время войны.

Дороти . Милый, перестань, пожалуйста! Разве мы не любим друг друга?

Филип . Ах, это. Ну, разумеется. Отчего же. Конечно.

Дороти . А разве мы не уедем вместе, не будем жить весело, не будем счастливы где-нибудь вдвоем? Вот как ты всегда об этом говоришь по ночам.

Филип . Нет. Даже через сто тысяч лет этого не будет. Никогда не верь тому, что я говорю по ночам. По ночам я вру без зазрения совести.

Дороти . А почему мы не можем сделать того, о чем ты говоришь по ночам?

Филип . Потому что я занят делом, при котором так не бывает – уезжать вместе, и

весело жить, и быть счастливыми вдвоем.

Дороти . А почему?

Филип . Во-первых, потому, что, по моим наблюдениям, ты слишком занята. А во-вторых, все это кажется весьма несущественным по сравнению с целым рядом других вещей.

Дороти . Зато ты никогда не бываешь занят.

Филип (*чувствует, что говорит лишнее, но все же продолжает*) . Нет. Но когда здесь кончится, я пройду курс дисциплины, чтобы избавиться от анархических привычек, если я их приобрел. Меня, вероятно, опять пошлют на работу с пионерами или еще куда-нибудь.

Дороти . Ничего не понимаю.

Филип . Вот именно потому, что ты ничего не понимаешь и никогда не сможешь понять, мы не уедем вместе, и не будем весело жить, и так далее.

Дороти . Это хуже, чем «Череп и кости».

Филип . Что это еще такое, «Череп и кости»?

Дороти . Такое тайное общество, к нему принадлежал один человек, за которого я чуть было не вышла замуж, но вовремя одумалась. Там все очень возвышенно и страшно добродетельно и нравственно, и тебя приводят туда и посвящают во все перед самой свадьбой, и когда меня посвятили во все, я отменила свадьбу.

Филип . Отличный прецедент.

Дороти . А разве нам нельзя быть как сейчас, пока мы вместе, если уж не навсегда, и любить друг друга, и не ссориться?

Филип . Если хочешь.

Дороти . Хочу.

Во время разговора она отошла от двери и теперь стоит возле кровати; Филип смотрит на нее, потом встает, обнимает ее и, как она есть, в пелерине, сажает рядом с собой.

Филип . А мех мягкий, приятный.

Дороти . От него не пахнет, правда?

Филип (*прижимаясь к ее плечу*) . Нет, не пахнет. И приятно чувствовать тебя под мехом. И я люблю тебя, провалились все на свете. А сейчас всего-навсего половина шестого.

Дороти . И пока это так, пусть так и будет, да?

Филип (*сдаваясь*) . Изумительно приятный мех. Хорошо, что ты купила его.

Он крепко прижимает ее к себе.

Дороти . Даже если это и ненадолго, пусть так и будет.

Филип . Да, пусть будет.

В дверь стучат, ручка поворачивается, и входит Макс. Филип встает. Дороти остается сидеть на кровати.

Макс . Я помешал? Да?

Филип . Нет. Нисколько. Макс, это американский товарищ. Товарищ Бриджес. Товарищ Макс.

Макс . Salud, товарищ.

Он подходит к кровати, на которой все еще сидит Дороти, и протягивает руку. Дороти пожимает ее и отворачивается.

Вы заняты? Да?

Филип . Нет. Нисколько. Хочешь выпить, Макс?

Макс . Нет, спасибо.

Филип . Hay novedades?

Макс . Algunas27.

Филип . Ты не хочешь выпить?

Макс . Нет, большое спасибо.

Дороти . Я пойду. Не стану мешать вам.

Филип . Ты нам не мешаешь.

Дороти . Ты потом зайдешь ко мне?

Филип . Непременно.

Когда она проходит мимо Макса, тот говорит очень вежливо.

Макс . Salud, camarada.

Дороти . Salud.

Она закрывает дверь, соединяющую обе комнаты, и выходит в коридор.

Макс (как только они остаются одни) . Это – товарищ?

Филип . Нет.

Макс . Ты так назвал ее.

Филип . Это просто манера говорить. В Мадриде всех называют товарищами. Считается, что все работают для общего дела.

Макс . Не очень хорошая манера.

Филип . Да. Не очень. Помнится, я сам как-то говорил это.

Макс . Эта женщина, – как ты сказал... Бригес?

Филип . Бриджес.

Макс . Это очень серьезно?

Филип . Серьезно?

Макс . Да. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Филип . Я бы не сказал. Пожалуй, скорее комично. В известном смысле.

Макс . Ты много времени с ней проводишь?

Филип . Немало.

Макс . Чье это время?

Филип . Мое.

Макс . А не время партии?

Филип . Мое время – время партии.

Макс . Вот это я и хотел сказать. Хорошо, что ты так быстро соображаешь.

Филип . О, я очень быстро соображаю.

Макс . Не стоит злиться из-за того, в чем ни ты, ни я не виноваты.

Филип . Я не злюсь. Но я не обязан быть монахом.

Макс . Филип, товарищ, ты никогда не был похож на монаха.

Филип . Нет?

Макс . И никто не требует, чтобы ты стал монахом.

Филип . Нет.

Макс . Все дело в том, чтобы это не мешало работе. Эта женщина – откуда она? Из какой среды?

Филип . Спроси ее.

Макс . Придется, очевидно.

Филип . Разве я плохо работаю? Кто-нибудь жаловался на мою работу?

Макс . До сих пор – нет.

Филип . А сейчас кто жалуется?

Макс . Я жалуюсь.

Филип . Вот как?

Макс . Да. Мы должны были встретиться у Чикоте. Раз ты не пришел туда, ты должен был оставить мне записку. Я прихожу к Чикоте вовремя. Тебя там нет. Записки тоже нет. Я прихожу сюда и застаю тебя mit einer ganzen Menagerie²⁸ черно-бурых лисиц в объятиях.

Филип . А тебе никогда ничего такого не хочется?

Макс . Очень хочется. Постоянно.

Филип . И что же ты делаешь?

Макс . Иногда, если у меня выдается свободный час и я не слишком устал, я нахожу такую, которая соглашается побыть со мной, не глядя на меня.

Филип . И тебе постоянно этого хочется?

Макс . Я очень люблю женщин. Я не святой.

Филип . А есть святые?

Макс . Да. А есть и не святые. Но только я всегда очень занят. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Сегодня мы опять пойдем туда.

Филип . Хорошо.

Макс . Ты хочешь идти?

Филип . Послушай, я допускаю, что ты прав насчет этой женщины, но нечего оскорблять меня. По работе ты меня ни в чем упрекнуть не можешь.

Макс . Эта женщина – она не подозрительна?

Филип . Ни в коем случае. Может быть, мне это вредит и отнимает у меня время и тому подобное, но за нее я ручаюсь.

Макс . Ты уверен? Знаешь, я в жизни не видел столько лисиц.

Филип . Она, конечно, дура, но я ручаюсь за нее, как за себя.

Макс . А за себя ты еще ручаешься?

Филип . Надеюсь. А это видно, когда за себя нельзя ручаться?

Макс . Еще бы!

Филип . Сейчас посмотрим. *(Становится перед зеркалом и с презрением смотрит на себя.)*

Макс смотрит на него и улыбается. Потом кивает головой.

Макс . Я бы за тебя поручился.

Филип . Хочешь, походи к ней и расспроси, из какой она среды и тому подобное.

Макс . Нет.

Филип . Она из той среды, к которой принадлежат все американки, приезжающие в Европу с некоторым запасом денег. Они все одинаковы. Колледж, лето на лоне природы, более или менее состоятельные родители, – в наше время чаще менее, чем более, – мужчины, романы, аборты, виды на будущее и наконец замужество и тихая пристань или тихая пристань без замужества. Одни открывают магазин или служат в магазине, другие пишут или занимаются музыкой, некоторые идут на сцену или в кино. У них есть какая-то организация, Лига молодежи, там, кажется, работают девственницы. Все для общего блага. Эта пишет. И даже неплохо, когда не ленится. Спроси ее сам, если хочешь. Но предупреждаю, все это очень скучно.

Макс . Меня это не интересует.

Филип . Мне показалось, что интересует.

Макс . Нет. Я подумал и решил все это предоставить тебе.

Филип . Что именно?

Макс . Все, что касается этой женщины. Поступай с ней, как знаешь.

Филип . Напрасно ты мне так доверяешь.

Макс . Я доверяю тебе.

Филип *(с горечью)* . Напрасно. Иногда я чувствую, что все это мне надоело. Вся моя

работа. Просто опротивела.

Макс . Понятно.

Филип . Да. И разговорами ты мне не поможешь. Я на днях убил этого мальчишку Уилкинсона. Просто по неосторожности. Не говори, что это не так.

Макс . Ты мелешь вздор. Но ты действительно не был достаточно осторожен.

Филип . Я виноват, что его убили. Я оставил его в этой комнате, в моем кресле, при открытой двери. Я совсем не так хотел его использовать.

Макс . Ты же не нарочно оставил его здесь. Брось об этом думать.

Филип . Нет, не нарочно. Просто загнал в ловушку по неосторожности.

Макс . Рано или поздно его бы все равно убили.

Филип . Да, да. Конечно. Если так на это взглянуть, то все чудесно, правда? Совершенно замечательно. Вот об этом-то я и не подумал.

Макс . Мне уже случалось видеть тебя в таком настроении. Я отлично знаю, что это все пройдет и ты снова станешь самим собой.

Филип . Да. Но ты знаешь, что я сделаю, когда это пройдет? Накачаюсь виски и подхвачу какую-нибудь девчонку... Прекрасная картина. Это ты называешь стать самим собой?

Макс . Нет.

Филип . Мне все опротивело. Знаешь, где бы я хотел очутиться? В каком-нибудь славном местечке вроде Сен-Троpez на Ривьере, проснуться утром, и чтобы не было войны, и чтобы принесли на подносе кофе с настоящим молоком... и бриоши со свежим клубничным вареньем, и яичницу с ветчиной.

Макс . И эта женщина?

Филип . Да, и эта женщина. Ты совершенно прав, – эта женщина. Черно-бурые лисицы и прочее.

Макс . Я говорил, что тебе это вредно.

Филип . А может быть, и полезно. Я так давно на этой работе, что мне все опротивело. Все вообще.

Макс . Ты работаешь, чтобы у **всех** был такой хороший завтрак. Ты работаешь, чтобы никто не голодал. Ты работаешь, чтобы люди не боялись болезней и старости; чтобы они жили и трудились с достоинством, а не как рабы.

Филип . Да. Конечно. Я знаю.

Макс . Ты знаешь, ради чего ты работаешь. А если иногда у тебя немного сдают нервы, я это отлично понимаю.

Филип . На этот раз у меня основательно сдали нервы, и это тянется уже давно. С тех пор как я встретил ее. Ты не знаешь, что женщина может сделать с человеком.

Слышен приближающийся визг снаряда и грохот взрыва на улице. Слышен крик ребенка, сначала пронзительный, потом отрывистый, жалобный. Слышен топот бегущих ног. Еще снаряд. Филип распахнул окно настежь. После взрыва снова слышен топот ног.

Макс . Ты работаешь, чтобы навсегда прекратить это.

Филип . Скоты! Они дожидались окончания сеанса в кино!

Разрывается еще один снаряд, слышен визг собаки.

Макс . Слышишь? Ты работаешь для всех. Ты работаешь для детей. Иногда даже для собак. Ступай к ней и посиди с ней немножко. Ты сейчас нужен ей.

Филип . Нет. Пусть сама разбирается. У нее есть ее чернобурые лисицы. К черту все это.

Макс . Нет. Ступай. Ты нужен ей сейчас.

Еще снаряд пролетает с протяжным шипением и разрывается под окном. На этот раз нет ни криков, ни топота ног.

Я здесь прилягу на минутку. А ты ступай к ней.

Филип . Хорошо. Ладно. Как ты велишь. Все, как ты велишь.

Он направляется к двери; когда он открывает ее, снова раздается приближающийся свист и снова слышен взрыв; на этот раз позади отеля.

Макс . Это только небольшая репетиция. Настоящий обстрел будет ночью.

Филип открывает дверь в смежную комнату. Слышно, как он говорит негромко, без всякого выражения.

Филип . Ну, Бриджес. Как ты тут?

Занавес

Акт III, сцена 2

Внутренность артиллерийского наблюдательного пункта в полуразрушенном снарядами доме на Эстремадурской дороге. Пункт расположен в башенке, которая прежде составляла одно из затейливых украшений этого дома; железная винтовая лестница искорежена снарядами и висит в воздухе, а вместо нее приставлена деревянная. Зрителю видна лестница и над ней задняя стена комнаты с окнами, обращенными к Мадриду. Действие происходит ночью, и мешки с песком, которыми днем затыкали окна, вынуты и лежат рядом, но за окнами полный мрак, потому что в Мадриде все огни погашены. По стенам развешаны крупномасштабные карты, на которых цветными флажками и тесьмой отмечено расположение позиций; посредине простой стол и на нем полевой телефон. Справа от стола, прямо против узкого отверстия в стене, установлен большой монокулярный дальномер немецкого образца, рядом с ним стоит стул. У другого отверстия – еще один дальномер, бинокулярный, обычного размера. Ближе к правой стене – еще один стол с полевым телефоном. Внизу, у лестницы, стоит часовой; другой часовой стоит в комнате у верхнего конца лестницы, где он едва может выпрямиться, не опустив винтовки с примкнутым штыком. При поднятии занавеса на сцене, кроме часовых, два связиста, нагнувшись над столом. Когда занавес уже поднят, сцену пересекают лучи автомобильных фар, ярко освещающие лестницу и основание башни. Они все приближаются, и часовой жмурится от яркого света.

Часовой . Эй! Гаси огни!

Слепящий свет бьет прямо в глаза часовому.

(Берет винтовку наперевес и щелкает затвором.) Гаси огни!

Он говорит это очень медленно, четко и угрожающе; ясно, что он намерен стрелять. Фары гаснут, и из-за левой кулисы, где, по-видимому, остановился автомобиль, выходят три человека; двое из них в офицерской форме, один высокий и толстый, другой довольно худощавый, щеголеватый, в кавалерийских сапогах, поблескивающих при свете карманного фонаря, который держит в руках толстый; третий – в штатском. Все трое проходят через всю сцену и приближаются к лестнице.

(Произносит первую половину пароля.) Победа...

Худошавый офицер *(резко и надменно)* ...за теми, кто ее достоин.

Часовой . Проходите.

Худошавый офицер *(штатскому)* . Надо влезать отсюда.

Штатский . Знаю. Я здесь не в первый раз.

Все трое влезают по лестнице. Второй часовой, видя нашивки толстого офицера, становится во фронт. Связисты не двигаются с места. Толстый офицер подходит к столу; за ним следует штатский и офицер в начищенных сапогах, по-видимому, адъютант.

Толстый офицер . А эти что?

Адъютант *(связистам)* . Встать! Смирно! Вы что это?

Связисты стоят смирно, видимо, преодолевая усталость.

Вольно!

Связисты садятся. Толстый офицер изучает карту. Штатский заглядывает в дальномер, но ничего не может разглядеть в темноте.

Штатский . Обстрел назначен на двенадцать?

Адъютант *(обращаясь к толстому офицеру)* . Когда приказано открыть огонь, генерал?

Толстый офицер *(говорит с немецким акцентом)* . Поменьше расгофоров.

Адъютант . Виноват. Угодно просмотреть приказы? *(Подает ему пачку сколотых вместе приказов, отпечатанных на машинке.)*

Генерал берет их в руку и, мельком глянув на них, отдает адъютанту.

Генерал *(грубым голосом)* . Я знаю их. Я их сам писал.

Адъютант . Так точно, генерал. Я думал, вы, может быть, захотите их проверить.

Генерал . Я их проферял.

Звонит один из телефонов. Связист у стола берет трубку и слушает.

Связист . Да. Нет. Да. Хорошо. *(Делает знак генералу.)* Вас, генерал.

Генерал берет трубку.

Генерал . Алло. Да. Правильно. Что за глупость? Как? Согласно приказу. Залпами – это значит залпами. *(Вешает трубку и смотрит на часы. Адъютанту.)* Сколько на ваших?

Адъютант . Без одной минуты двенадцать, генерал.

Генерал . Кругом болваны. Как можно говорить о командовании, когда нет никакой дисциплины. Связисты не встают, когда входит генерал. Командирам батарей нужно разъяснять приказы. Как вы сказали, который час?

Адъютант *(смотрит на часы)* . Без тридцати секунд двенадцать, генерал.

Связист . Из бригады шесть раз звонили, генерал.

Генерал *(закуривая сигару)* . Который час?

Адъютант . Без пятнадцати, генерал.

Генерал . Что без пятнадцати?

Адъютант . Без пятнадцати секунд двенадцать часов.

И тотчас же начинается канонада. Отсюда звук кажется совсем иным, чем с обстреливаемой точки. Сначала слышно гулкое, раскатистое «бум-бум-бум», точно удары литавр перед микрофоном, потом – «уиши, уиши, уиши, уиши, чу, чу, чу, чу... чу» – полет снаряда и отдаленный разрыв. Вступает вторая батарея, еще ближе, еще громче, и вот уже по всей линии грохочут гулкие, частые залпы, и в воздухе стоит гул удаляющихся снарядов. В раскрытое окно видны теперь очертания Мадрида, освещенного вспышками разрывов. Генерал стоит у большого дальномера. Штатский – у второго. Адьютант смотрит через плечо штатского.

Штатский . Какая красота!

Адьютант . Сегодня мы их немало перебьем. Марксистская сволочь. Все их норы перероем.

Штатский . Эффектное зрелище.

Генерал . Ну как, удовлетворительно?

Он не отводит глаз от окуляра.

Штатский . Превосходно! Сколько это будет продолжаться?

Генерал . Мы даем один час. Потом десять минут перерыва. Потом еще пятнадцать минут.

Штатский . Но в квартал Саламанка не попадет ни один снаряд? Там ведь почти все наши.

Генерал . Отдельные попадания возможны.

Штатский . Но как же так?

Генерал . Ошибки испанских батарей.

Штатский . Почему именно испанских?

Генерал . Потому что испанские не так точны, как наши.

Штатский молчит, и огонь продолжается, хотя залпы следуют один за другим не с такой быстротой, как вначале. Слышен свистящий звук, потом удар и грохот – почти у самого наблюдательного пункта разорвался снаряд.

Начинают отвечать понемногу.

На сцене теперь совсем темно, видны только вспышки за окном и огонек папиросы, которую курит часовой внизу. Потом зритель видит, как этот огонек внезапно описывает в темноте полукруг, и затем отчетливо слышит глухой стук падающего тела. Раздаются два залпа, один за другим. Снова с тем же свистящим гулом падает снаряд, и в пламени разрыва видно, как два человека лезут вверх по лестнице.

(Говорит, не отходя от дальномера.) Соедините меня с Гарабитас.

Связист крутит ручку телефона. Потом еще раз.

Связист . Виноват, генерал. Связь прервана.

Генерал *(второму связисту)* . Вызовите мне штаб дивизии.

Связист . У меня нет связи, генерал.

Генерал . Пошлите кого-нибудь исправить линию.

Связист . Слушаю, генерал. *(Встает в темноте.)*

Генерал . Какого черта этот часовой курит? Это не армия, а какой-то хор из «Кармен»!

Видно, как зажженная папироса второго часового описывает длинную кривую, как будто он бросил ее вниз, и вслед за тем слышно грузное падение тела с большой высоты. Вспыхнувший карманный фонарь освещает троих людей у дальномера и обоих связистов.

Филип *(с порога двери наверху лестницы, тихим, очень ровным голосом)* . Руки вверх, и не строить из себя героев, иначе я буду стрелять! *(В руках у него автомат, который висел у него за спиной, когда он поднимался по лестнице.)* Это ко всем относится! Руки вверх, толстопузая сволочь!

У Макса в правой руке граната, в левой – карманный фонарь.

Макс . Один звук, одно движение – и я всех положу на месте. Понятно?

Филип . Тебе кто нужен?

Макс . Только пузатый и мадридец. Остальных просто свяжи. Липкий пластырь у тебя есть?

Филип *(говорит по-русски)* . Да.

Макс . Вот видишь. Мы стали русскими. Все мы теперь в Мадриде русские. Торопись, товарищ, и заклей им хорошенько рты, потому что мне все-таки придется бросить эту штуку перед уходом. Видишь, кольцо уже снято.

Занавес начинает опускаться. Филип с автоматом в руках подвигается к пленникам. Карманный фонарь освещает их побелевшие лица. Канонада продолжается. Снизу из-за дома доносится крик: «Гаси огонь!»

Макс . Ладно, друг, сейчас погасим!

Занавес

Акт III, сцена 3

Сцена представляет ту же комнату в штабе Сегуридад, что и в сцене I акта II. Антонио из Comissarlado de vigilancia²⁹ сидит у стола. Рядом с ним Филип и Макс, они все в грязи, лица измученные. У Филипа еще висит за спиной автомат. Перед столом стоит штатский с наблюдательного пункта; его берет исчез, плащ сверху донизу разорван на спине, один рукав наполовину оторван. По бокам его стоят два штурмгвардейца.

Антонио *(штурмгвардейцам)* . Можете идти.

Они отдают честь и выходят, держа винтовки наперевес.

(Филипу.) А где же второй?

Филип . Потеряли по дороге.

Макс . Он был очень тяжелый, а идти не хотел.

Антонио . Жаль. Была бы ценная добыча.

Филип . Это не всегда так просто, как в кино.

Антонио . И все-таки, если б можно было доставить его сюда!

Филип . Могу начертить вам план, пошлите туда, и вы его найдете.

Антонио . Вы думаете?

Макс . Он был солдат, он все равно ничего бы не сказал. Я бы его охотно доставил, но допрашивать его было бы бесполезно.

Филип . Вот кончим здесь, и я начерчу план. Вы его найдете. Никуда он не денется.

Мы спрятали его в надежном месте.

Штатский (*истерически*) . Вы его убили!

Филип (*презрительно*) . А ну-ка, помолчите, вы.

Макс . Уверяю вас, он бы ничего не сказал. Я знаю этих людей.

Филип . Понимаете, мы не рассчитывали захватить сразу двоих. Второй экземпляр был очень непортативен, а идти сам не хотел. Он нам устроил сидячую забастовку. Не знаю, случилось ли вам ночью возвращаться по этой дороге. Там есть несколько довольно неприятных мест. Так что, понимаете, выбора у нас не было.

Штатский (*истерически*) . Вы просто убили его! Я видел.

Филип . Тише! Вашего мнения не спрашивают.

Макс . Мы вам еще нужны?

Антонио . Нет.

Макс . Тогда я пойду. Я не очень люблю это. Слишком многое напоминает.

Филип . Я тоже не нужен?

Антонио . Нет.

Филип . Можете быть вполне спокойны. Вы узнаете все – имена, адреса, все решительно. У этой твари сходились все нити.

Антонио . Да.

Филип . Можете быть спокойны, молчать он не будет. Этот не из молчаливых.

Антонио . Он – politico. Да. Я не раз уже беседовал с politico.

Штатский (*истерически*) . Вы меня не заставите говорить. Ни за что! Ни за что! Ни за что!

Макс и Филип переглядываются. Филип усмехается.

Филип (*очень спокойно*) . Да вы ведь уже говорите. Разве вы не заметили?

Штатский . Нет! Нет!

Макс . Так если можно, я пойду. (*Встает.*)

Филип . Я тоже, пожалуй.

Антонио . Вы не хотите остаться, послушать?

Макс . Нет, нет, не надо.

Антонио . Это будет очень интересно.

Филип . Мы просто устали.

Антонио . Это будет очень интересно.

Филип . Я приду завтра.

Антонио . Я бы очень хотел, чтобы вы остались.

Макс . Не надо. Если в этом нет необходимости. Прошу вас как об одолжении.

Штатский . Что вы со мной хотите сделать?

Антонио . Ничего. Только получить от вас ответ на некоторые вопросы.

Штатский . Я ничего не скажу!

Антонио . Скажете!

Макс . Прошу вас, прошу вас. Я пойду.

Занавес

Акт III, сцена 4

Декорация сцены 3 акта I, но уже сумерки. При поднятии занавеса в комнате Дороти Бриджес темно. В комнате Филипа горит свет, и занавески на окнах задернуты. Филип лежит, ничком на постели. Анита сидит в кресле рядом.

Анита . Филип!

Филип (*не поворачивая голову и не глядя на нее*) . Ну?

Анита . Послушай, Филип.

Филип . Какого еще черта?

Анита . Где виски?

Филип . Под кроватью.

Анита . Спасибо. (*Заглядывает под кровать. Потом влезает туда почти до половины.*) Нет под кровать.

Филип . Ну, посмотри в стенном шкафу. Кто-то уже опять наводил тут порядок.

Анита (*подходит к стенному шкафу и открывает его. Внимательно оглядывает все углы*) . Тут только пустой бутылки.

Филип . Ты прямо неутомимый исследователь. Иди сюда.

Анита . Я хочу находить виски.

Филип . Посмотри в ночном столике.

Анита подходит к ночному столику у изголовья кровати, открывает дверцу и достает бутылку виски. Приносит из ванной стакан, наливает виски и разбавляет его водой из графина, который стоит тут же, на ночном столике.

Анита . Филип. Пей один стакан, лучше будет.

Филип садится и смотрит на нее.

Филип . А-а! Черноокая красавица! Ты как сюда попала?

Анита . С контрольный ключ.

Филип . Вот как!

Анита . Тебя долго нету. Я беспокоился. Я приходил сюда, мне говорил – ты свой номер. Я стучал дверь, никто не отвечал. Я стучал еще. Никто не отвечал. Я сказал: открывайте мне дверь с контрольный ключ.

Филип . И тебе открыли?

Анита . Я сказал – ты посылал за мной.

Филип . А я посылал?

Анита . Нет.

Филип . Очень мило с твоей стороны, что ты вспомнила обо мне.

Анита . Филип, ты все с эта большой блондинка?

Филип . Не знаю. Я что-то сам запутался. Положение, знаешь ли, очень сложное. Каждую ночь я прошу ее выйти за меня замуж, а каждое утро говорю, что вовсе этого не хочу. Пожалуй, дальше так идти не может. Да. Никак не может.

Анита садится на постели, гладит его по голове и откидывает волосы со лба.

Анита . Тебе нехорошо. Я знаю.

Филип . Хочешь, я тебе что-то скажу по секрету?

Анита . Да.

Филип . Никогда еще мне не было хуже.

Анита . Только это? Я думал, ты будешь говорить, как ты ловил все люди из Пятая колонна.

Филип . Я всех не ловил. Я поймал только одного. Паршивый был тип, надо сказать.

Стук в дверь. Это управляющий.

Управляющий . Прошу покорнейше извинить – не помешал?

Филип . Пожалуйста, пожалуйста. Только здесь дамы.

Управляющий . Единственная цель – войти и посмотреть, – все ли в порядке. Также наблюдение за поступками молодой дамы в случае вашего отсутствия или пассивного состояния. Кроме того, горю желанием принести искреннейшее, восторженнейшее поздравление: блестяще проведенная операция против неприятельской разведки – в вечерних газетах сообщение об аресте трехсот членов Пятой колонны.

Филип . Это есть в газетах?

Управляющий . Все подробности – арест большого числа предосудительных личностей всякого рода, виновных в убийствах, заговорах, вредительстве, связях с неприятелем и прочее тому подобное.

Филип . И все это есть в газетах?

Управляющий . Безусловно, мистер Филип.

Филип . А я тут при чем?

Управляющий . О, все знают, что вы занимаетесь ведением подобного рода расследований.

Филип . Интересно только, откуда все это знают.

Управляющий (*укоризненно*) . Мистер Филип. Это же Мадрид. В Мадриде все известно, иногда даже раньше, чем успеет случиться. Если уже случилось, возможен спор – кто сделал. Если еще не случилось, все абсолютно точно знают – кто должен сделать. Принося поздравления, предваряю упреки недовольных, которые, без сомнения, скажут: «Как? Только триста? А остальные где?»

Филип . Не будьте таким пессимистом. Кажется, впрочем, мне теперь придется уехать.

Управляющий . Также предусмотрено, мистер Филип, и, в частности, имею сделать существенное предложение, надеюсь, успешно. В случае отъезда, полагаю, нецелесообразно везти в багаже продовольственные консервы.

В дверь стучат. Это Макс.

Макс . Salud, camaradas.

Все . Salud.

Филип (*управляющему*) . Ну, вот что, camarada филателист. Мы об этом поговорим потом.

Управляющий уходит.

Макс (*Филипу*) . Wie geht's?30

Филип . Gut31. Не слишком, впрочем.

Анита . Можно, я буду принять ванна?

Филип . Даже должно, дорогая моя. Но только закрой дверь, хорошо?

Анита (*из ванной*) . Горячий вода идет.

Филип . Это хороший признак. Ну, теперь закрой дверь.

Анита закрывает дверь. Макс подходит к кровати и садится рядом в кресло. Филип, свесив ноги, сидит на кровати.

Что-нибудь нужно?

Макс . Нет, товарищ. Ты был там?

Филип . Был. Все время был. До самого конца. Понадобились некоторые сведения, и меня вызвали опять.

Макс . Как он держался?

Филип . Подло. Но вначале выкладывал не сразу, понемногу.

Макс . А потом?

Филип . О, потом как начал сыпать, так стенографистка за ним бы не поспела. Я, знаешь, многое могу переварить...

Макс (*не обращая внимания на его последние слова*) . В газетах есть про аресты. Зачем они печатают такие вещи?

Филип . Не знаю, дорогой. Зачем, в самом деле?

Макс . Это поднимает дух – и это хорошо. Но еще лучше было бы всех переловить. А что, принесли этого... гм... этого...

Филип . Да. Ты говоришь о трупe? Его притащили оттуда, где мы его оставили.

Макс . Я очень рад, что мне не нужно было оставаться.

Филип . А я остался. Потом я ушел совсем, но меня вызвали опять. Я пришел оттуда с час назад и больше не пойду. Мой рабочий день окончен. Завтра начнем что-нибудь новое.

Макс . Мы хорошо поработали.

Филип . Сделали все, что могли. Все было очень эффектно и очень ловко, только сеть оказалась дырявая и много рыбы ушло. Впрочем, можно закинуть еще раз. Но меня тебе придется перебросить в другое место. Здесь я уже не гожусь. Слишком много народу знает про мою работу. Это не потому, что я болтаю. Просто так вышло.

Макс . Работы везде много. Но ты еще не кончил здесь.

Филип . Знаю. Только ты все-таки не держи меня здесь очень долго. Я что-то развинулся.

Макс . А как будет с женщиной из соседнего номера?

Филип . О, с ней я порву.

Макс . Я этого не требую.

Филип . Нет. Но рано или поздно потребуешь. Не стоит деликатничать, Макс. Впереди пятьдесят лет необъявленных войн,³² и я подписал договор на весь срок. Не помню, когда именно, но я подписал.

Макс . Не ты один. Дело тут не в договорах. И незачем говорить с такой горечью.

Филип . Я говорю без всякой горечи. Просто я не хочу дурачить самого себя. И не хочу, чтобы что-нибудь занимало во мне то место, которое ничто не должно занимать. А это уже подобралось довольно близко. Но ничего, я знаю, как вылечиться.

Макс . Как?

Филип . А вот увидишь как.

Макс . Не забывай, Филип, я человек добрый.

Филип . Согласен. Я тоже. Ты бы на меня посмотрел иногда на работе.

Во время их разговора дверь номера 109 отворяется, и входит Дороти Бриджес. Она зажигает свет, снимает пальто и надевает свою пелерину из чернобурых лисиц. Стоя перед зеркалом, она медленно поворачивается во все стороны. Она очень красива в этот вечер. Она подходит к патефону и ставит мазурку Шопена, потом берет книгу и садится в кресло, поближе к настольной лампе.

Вон она пришла. Вернулась, так сказать, домой. И так?

Макс . Филип, друг мой, в этом нет надобности. Честное слово, я не вижу, чтобы она чем-нибудь мешала твоей работе.

Филип . Зато я вижу. И ты скоро тоже увидишь.

Макс . Решай сам, я тебе уже говорил. Но помни – нужно быть добрым. Для нас, которым причинили столько зла, доброта – самое важное.

Филип . А я очень добрый, ты же знаешь. Я добрый. Даже страшно, до чего я добрый!

Макс . Нет, я этого не знаю. А я хотел бы, чтоб ты был добрым.

Филип . Вот что. Подожди меня здесь.

Он выходит в коридор и стучит в дверь номера 109. Постучав, тотчас же толкает дверь и входит.

Дороти . Здравствуй, дорогой.

Филип . Здравствуй. Ну, как ты?

Дороти . Очень хорошо – а сейчас и совсем чудесно, раз ты здесь. Где ты был? Ты вчера так и не вернулся домой. Как я рада, что ты пришел.

Филип . У тебя есть виски?

Дороти . Да, милый. *(Наливает ему виски пополам с водой.)*

В соседней комнате Макс неподвижно сидит в кресле и смотрит в электрический камин.

Где ты был, Филип?

Филип . Так, в разных местах. Узнавал новости.

Дороти . Какие же ты узнал новости?

Филип . Были хорошие. А были и похуже. В общем, средние.

Дороти . А сегодня тебе куда не надо уходить?

Филип . Не знаю.

Дороти . Филип, дорогой, что случилось?

Филип . Ничего не случилось.

Дороти . Филип, давай уедем отсюда. Мне здесь незачем больше оставаться. Я уже послала три корреспонденции. Мы можем поехать куда-нибудь под Сен-Тропез, ведь дожди еще не начинались, и там будет так чудесно сейчас, когда мало народу. А потом можно поехать куда-нибудь походить на лыжах.

Филип *(почти злобно)* . Да, да, потом в Египет, а потом еще куда-нибудь. Так мы и станем наслаждаться любовью во всех отелях мира и тысячу раз просыпаться прекрасным солнечным утром и завтракать в постели – а может быть, только девяносто раз – смотря по тому, три года или три месяца понадобится, чтобы я успел надоесть тебе или ты – мне. И все наши заботы будут только о развлечениях. Мы поселимся в отеле «Крийон» или в отеле «Ритц», и осенью, когда с деревьев в Булонском лесу облетят все листья и станет сыро и холодно, мы будем ездить в Отейль на скачки, и греться у больших жаровень с углем в паддоке, и смотреть, как лошади прыгают через водяной ров и берут банкетку и каменный барьер. Чудесно. А потом глотать коктейль с шампанским в баре и спешить к обеду у Ларю, а в субботу ездить в Солонь стрелять фазанов. Да, да, чудесно. А потом еще слетать в Найроби и посидеть в уютном «Матайга-клубе», а весной немножко рыбной ловли для разнообразия. Да, да, чудесно. И каждую ночь вдвоем в постели. Чудесно, правда?

Дороти . О милый, просто изумительно! Но разве у тебя так много денег?

Филип . Было много. Пока я не пошел на эту работу.

Дороти . И мы поедем во все эти места, и в Сен-Мориц³³ тоже?

Филип . Сен-Мориц? Какое мешанство! Китцбухель, ты хочешь сказать. В Сен-Мориц рискуешь встретиться с кем-нибудь вроде Майкла Арлена³⁴.

Дороти . Но тебе вовсе незачем с ним встречаться, милый. Ты можешь не узнавать его. А мы на самом деле туда поедем?

Филип . А ты хочешь?

Дороти . О милый!

Филип . А не хочешь ли ты как-нибудь осенью отправиться в Венгрию? Там можно очень дешево снять поместье, и платить надо только за то, что подстрелишь. А на придунайской равнине водится великое множество гусей. А была ли ты когда-нибудь в Ламу, где такой длинный белый берег, и на берегу лежат раснащенные арабские лодки, и пальмы всю ночь шелестят на ветру? Или в Малинди, где можно заниматься аквапланнм спортом и дует северо-восточный муссон, такой прохладный и свежий, и ночью не нужно ни простынь, ни пижамы. Тебе бы понравилось в Малинди.

Дороти . Наверно, понравилось бы, Филип.

Филип . А ездила ли ты когда-нибудь в Гавану, потанцевать субботним вечером в Сан-Суси, под королевскими пальмами? Они совсем серые и высятся точно колонны, и всю ночь напролет там играют в кости или в рулетку, а утром едут завтракать в Хайманитос. И все друг друга знают, и от этого очень весело и приятно.

Дороти . И мы туда поедem?

Филип . Нет.

Дороти . Почему, Филип?

Филип . Мы никуда не поедem.

Дороти . Почему же, милый?

Филип . Ты можешь ехать, если хочешь. Я тебе составил маршрут.

Дороти . Но почему же нам не поехать вместе?

Филип . Ты можешь ехать. А я уже был во всех этих местах, и все это уже осталось позади. Туда, куда я доеду теперь, я поеду один или с теми, кто едет туда за тем же, за чем и я.

Дороти . А мне нельзя туда поехать?

Филип . Нет.

Дороти . А почему нельзя? Я могу подучиться, и я не боюсь.

Филип . Во-первых, потому, что я еще сам не знаю, где это. А во-вторых, потому, что я тебя не возьму с собой.

Дороти . Почему?

Филип . Потому что от тебя никакой пользы. Ты невежественна, ты глупа, ты ленива, и от тебя никакого проку.

Дороти . В остальном, может быть, ты и прав. Но прок от меня есть.

Филип . Какой же от тебя прок?

Дороти . Ты сам знаешь – ты должен знать.

Она плачет.

Филип . Ах, это .

Дороти . Так мало это для тебя значит?

Филип . Это такая вещь, за которую не следует платить слишком дорого.

Дороти . Значит, я – вещь?

Филип . Да, и очень красивая вещь. У меня никогда не было такой чудесной вещи.

Дороти . Я очень рада, что ты это сказал. И я очень рада, что сейчас день. А теперь – убирайся вон отсюда. Самоуверенный пьяница. Нелепый, надутый хвостун. Это ты – вещь, ты. Тебе никогда не приходило в голову, что ты сам – вещь? Вещь, за которую не следует платить слишком дорого?

Филип (*смеясь*) . Нет. Но я готов с тобой согласиться.

Дороти . Да, так и знай. Ты – никуда не годная, испорченная вещь. Никогда дома не бываешь. Бегаешь где-то целыми ночами. Грязный, неряха, распушенный. Дрянная вещь. Мне просто понравилась упаковка, вот и все. И я очень рада, что ты уходишь.

Филип . Правда?

Дороти . Да, правда. Только незачем было рассказывать про все эти места, раз мы туда не поедem.

Филип . Мне очень жаль. Это была недобрая шутка.

Дороти . Пожалуйста, только не будь добрым. Ты просто ужасен, когда ты добрый. Только добрые люди смеют быть добрыми. Ты просто отвратителен, когда ты добрый. И, во всяком случае, незачем было рассказывать об этом днем.

Филип . Мне очень жаль.

Дороти . Пожалуйста, только не жалеи. Ты хуже всего, когда ты о чем-нибудь жалеешь. Я просто не выношу, когда ты начинаешь жалеть. Убирайся.

Филип . Что ж, давай прощаемся. (*Обнимает ее и хочет поцеловать.*)

Дороти . И, пожалуйста, не целуй меня. Сначала целуешь, а потом опять начнутся разговоры о вещах. Я тебя знаю.

Филип крепко прижимает ее к себе и целует.

Ах, Филип, Филип, Филип.

Филип . Прощай.

Дороти . Ты – ты – тебе не нужна больше твоя вещь?

Филип . Она мне не по карману.

Дороти вырывается из его объятий.

Дороти . Так уходи.

Филип . Прощай.

Дороти . Убирайся!

Филип выходит в коридор и возвращается в свою комнату.

Макс все еще сидит в кресле.

Дороти у себя в комнате звонит горничной.

Макс . Ну?

Филип молча смотрит в электрический камин. Макс тоже смотрит туда. В дверях соседнего номера показалась Петра.

Петра . Да, сеньорита?

Дороти сидит на кровати. Голова ее высоко поднята, но по щекам текут слезы. Петра подходит к ней.

Что случилось, сеньорита?

Дороти . Ах, Петра, вы были правы, он нехороший. Он очень, очень нехороший. А я, дура набитая, воображала, что мы будем счастливы. А он такой нехороший.

Петра . Да, сеньорита.

Дороти . Но, Петра, все горе в том, что я люблю его.

Петра стоит у кровати, возле Дороти.

В номере 110 Филип подходит к ночному столику. Он наливает себе виски и разбавляет его водой.

Филип . Анита!

Анита (из ванной) . Да, Филип?

Филип . Анита, кончишь мыться, иди сюда.

Макс . Я пойду.

Филип . Нет. Останься.

Макс . Нет. Нет. Нет. Я тебя прошу, я пойду.

Филип (очень сухим, безжизненным голосом) . Анита, вода горячая?

Анита (из ванной) . Очень хороший вода.

Макс . Я пойду. Я тебя очень, очень прошу. Я пойду.

Занавес

Примечания

1

...орудия, установленные за Леганес и по склонам горы Гарабитас – имеются в виду позиции фашистских войск, откуда они вели артиллерийский обстрел Мадрида.

2

Пьеса вошла в сборник «Пятая колонна и первые сорок девять рассказов». Предисловие было написано Хемингуэем для этого сборника.

3

вассарская кукла – то есть выпускница американского колледжа Вассар, привилегированного высшего учебного заведения для женщин (штат Нью-Йорк).

4

...Университетский городок, Каса-дель-Кампо, Усера, Карабанчель – пригороды Мадрида, где шли упорные бои.

5

Сто тринадцатый (исп.).

6

Привет, товарищ (исп.).

7

Рагу из зайца (франц.).

8

Гусиная печенка (франц.).

9

Цыпленок (франц.).

10

Навязчивая идея (франц).

11

Прибыл в ваше распоряжение, товарищ комиссар (исп.).

12

Сегуридад – Управление безопасности в республиканской Испании.

13

Здесь: слушаюсь (исп.).

14

Можно? (исп.).

15

Добрый день (исп.).

16

Сен-Троpez – курорт на средиземноморском побережье Франции.

17

Господин, госпожа (франц.).

18

Восемьдесят, двадцать, пятнадцать (исп.).

19

Полковник (исп.).

20

Норт Джозеф – американский писатель и публицист, коммунист, участник национально-революционной войны в Испании.

21

батальон Линкольна – батальон американских добровольцев, сражавшихся на стороне республиканцев в составе Интернациональных бригад.

22

Политик (исп.).

23

...Иден Антони – английский государственный деятель, консерватор, в 1935—1938 годах министр иностранных дел Великобритании, один из вдохновителей политики невмешательства в гражданскую войну в Испании, на деле способствовавший фашистским мятежникам.

24

Не слишком трудно (нем.).

25

В четверть первого (нем.).

26

Приятного аппетита (исп.).

27

Есть новости? – Кое-что есть (исп.).

28

С целым зверинцем (нем.).

29

Управление безопасности (исп.).

30

Ну, как? (нем.).

31

Хорошо (нем.).

32

Впереди пятьдесят лет необъявленных войн... – перефраза из речи Хемингуэя в 1937 году на Втором конгрессе американских писателей, в которой он призывал писателей принять активное участие в борьбе с фашизмом.

33

Сен-Мориц – курорт во Франции.

34

...Арлен Майкл (1896-1956) – английский писатель, автор популярных развлекательных романов.

Б. Грибанов